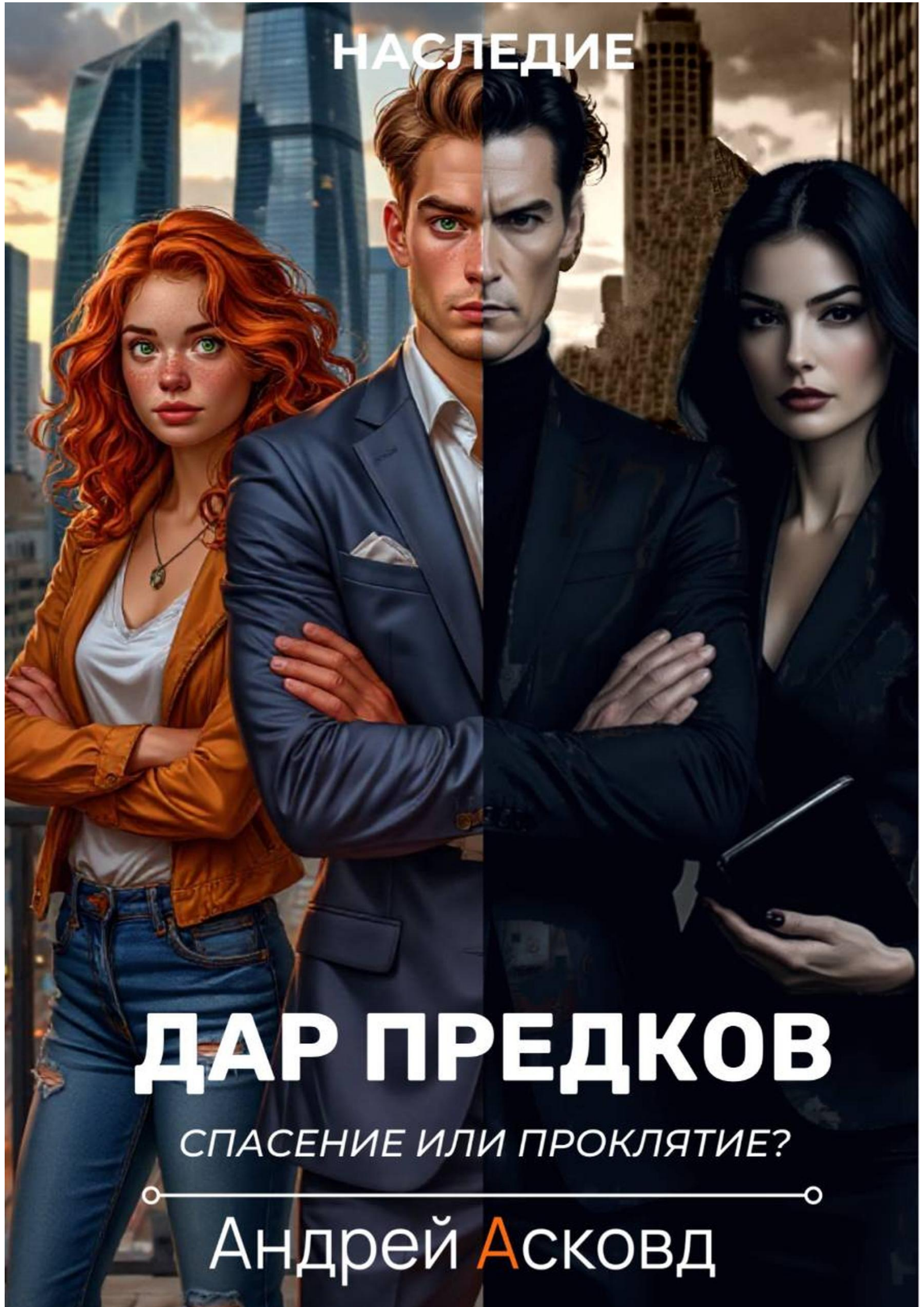

НАСЛЕДИЕ

ДАР ПРЕДКОВ

СПАСЕНИЕ ИЛИ ПРОКЛЯТИЕ?

○ ————— ○
Андрей Асковд

Андрей Асковд

**Дар Предков. Спасение
или проклятие?**

«Автор»

2026

Асковд А.

Дар Предков. Спасение или проклятие? / А. Асковд — «Автор», 2026

Тимофей, обычный городской житель со своими проблемами и заботами. Неожиданно свалившееся на голову наследство оказалось немного не тем, на что он рассчитывал. Да и не наследство, как оказалось, а некое Наследие. И нотариусы тут не помогут. В какую такую Изнанку ушёл его дед из деревни и что с родителями? Домовой — любитель выпить и рыжая ведьмочка, которую он вроде как должен знать, но ничего не помнит из своего детства, верные союзники или уже противники? Взять ответственность за спасение своего рода или взлететь по карьерной лестнице в один миг и больше не знать проблем? Есть ли мозги у Безликих и кто такой Угловатый? Могут ли поглотить нас Тени и как вообще жить дальше, если Тимофей сделает свой выбор. И что этот выбор принесёт всем. Спасение или проклятие?

© Асковд А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1. В лесу	5
2. Странная телеграмма	8
3. Шагалово	14
4. Необычные соседи	19
5. Знакомство с нечистой	24
6. К лешему	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Андрей Асковд

Дар Предков. Спасение или проклятие?

Из цикла "Наследие"

А. Асковд

1. В лесу

Солнцу с каждой минутой всё труднее было пробиваться сквозь плотную крону деревьев, и Тимофей понимал, если он дотемна не выйдет к людям или хотя бы на дорогу, то ночевать ему придется в лесу. Идея так себе. Хуже только была разве что та, с которой всё началось — решение отправиться в эту поездку. Теперь вот по своей глупости или скорее всего алчности, он оказался вдали от цивилизации. Без машины и без связи. Старый жигулёнок отца отказался ехать дальше ещё два часа назад, а связь пропала и того раньше. Хорошо, что имелось хоть немного еды и квас с собой был. Спасибо странному дяденьке, которого он подвез. Дядя Лёша, как представился тот. Грибник. Голосовал на трассе и когда Тимофей остановился и сказал, куда едет, заверил, что им как раз по пути. Лесом даже короче будет. Дорога накапанная, да и дождей давно не было. Срежет два часа пути до деревни, утверждал грибник. А сам вышел посреди леса и был таков. Сказал, что у него здесь грибные места начинаются, а до деревни пара махов рукой осталась. Так и махнул рукой два раза, указывая направление. И исчез в чаще. Станный тип. Деньги, правда, дал. Хоть на том спасибо. В последнее время нелишними были. Видимо, грибной бизнес у дяди Лёши неплохо идёт, раз так легко отвалил такую сумму. Тимофей, конечно, попытался отказаться от денег. Почему не помочь хорошему человеку, да ещё и по пути? А там, глядишь, и судьба наконец-то провернёт скрипящее колесо, и Тимофею тоже кто-нибудь поможет. Однако дядя Лёша категорически настаивал. Чуть ли не насильно пихал деньги в руки. Тимофей проверил карман и ощутил приятный хруст купюр. Возвращаться к машине смысла не было. Да и не успел бы он до темна. Хотя машина какое-никакое, но всё же, укрытие от хищных зверей в лесу ночью. Тимофей ещё раз оглянулся, оценивая свои шансы. Если бежать, то, может, и успеет. Да и вдруг старушка-трёшка опять заработает. А если деревня вот-вот впереди окажется? Может, он всего несколько шагов не дошёл, и теперь назад побежит? Верилось в это с трудом. Сколько раз он уже убеждал себя, что деревня вот-вот появится и возвращаться — плохая идея. Оставалось только принять решение. Желательно разумное. В последнее время их не так уж и много было. Можно и позволить себе такую роскошь. — Ладно. Только вперёд, — подбодрил себя Тимофей. Дорога, по обещаниям дяди Лёши сначала была вполне сносной, но как только тот вышел, постепенно стала сужаться. В конце концов для проезда автомобиля дорога практически закончилась, там-то машина и заглохла. Дальше Тимофей шёл пешком. Сначала это была вполне подходящая для пешехода дорожка. Но постепенно она сузилась до тропинки, а теперь и вовсе почти терялась из вида. Солнце тем не менее неумолимо спускалось к горизонту. В городе после заката солнца еще полно времени до наступления темноты, а вот в лесу свои законы. Как только солнце скроется за деревьями, считай наступают сумерки, а потом сразу ночь. Тимофей двигался вперёд по тропинке, словно следуя за путеводной нитью. Казалось, что тонкая нить вот-вот скроется за очередным деревом и, обвинившись плющом вокруг ствола, исчезнет. Но сдаваться было уже поздно. До тех пор, пока не случилось то, чего Тимофей и опасался. Тропинка, перепрыгнув через очередную кочку, нырнула под поваленное дерево. Пришлось через него перелезть. И как только он снова оказался на земле, то увидел Ничего не увидел. Тропинка будто резко оборвалась. — Чёрт! — громко выругался он. Посмотрел назад. Перелез через ствол обратно и

опять выругался. След тропинки бесследно исчез... Пути назад тоже не было видно.— Чёрт! Чёрт! Чёрт! Не переставая ругаться, он метался из стороны в сторону, пытаясь ухватиться за эту путеводную нить. Затем залез снова на ствол. Оглядевшись вокруг, понял, что заблудился. Во все стороны простирался бескрайний лес. И никаких тропинок. Да и темнеть вдруг начало резко. Спрыгнув на землю, он сделал ещё несколько неуверенных попыток найти путь. Но чем больше Тимофей метался, тем больше понимал, что окончательно заблудился. Сел под дерево и облокотился на него спиной. Откуда-то в голове ожили детские воспоминания о дед. Вот они идут через лес. Тиме сколько? Десять или меньше? Дед рассказывает ему разные сказки и небылицы. В том числе и эту присказку: «Ежели тебя, Тимка, Леший в лесу закружит, то ты не паникуй. Озорничает он. Просто задобрить его надо. Оставь ему на пеньке или под деревом гостинец. Пирожок или печенье там, и скажи: «Дух лесной, тебе поклон быю, детям твоим жертву приношу, по лесу ты меня не кружи, по полянам и буреломам меня не води, из владений своих меня отпусти, тропинку к дому родному укажи». Затем сядь под дерево и прислушайся к себе и к лесу. Леший должен знак подать, в какую сторону идти. Ну или одёжку наизнанку переодень. Тоже помогает. Тимофей достал из рюкзака один пирожок, что дядя Лёша оставил. Решив, что хуже точно не станет, он начал скидывать с себя вещи и выворачивать их наизнанку, одновременно бормоча:— Дух лесной, тебе поклон быю... Переодевшись, Тимофей уселся под деревом, но как ни прислушивался, ничего не услышал. Ни внутри себя, ни снаружи. Никаких знаков никто не подавал.— Чёрт! — в очередной раз выругался он. — Бред какой-то. Глупо в сказки верить в таком возрасте. В ответ только шишка упала с дерева и больно ударила по макушке. Тьма начала окутывать лес, как будто кто-то выключил свет. Поднялся ветер, заывая на все голоса. Тимофею показалось, что ветки тянутся к нему и пытаются схватить. Между деревьев мелькали чьи-то тени и перешёптывались: «Чёрт-чёрт-чёрт» Перед Тимофеем появилась чёрная морда.— Звал? Тимофей резко подскочил и тут же рухнул как подкошенный — на этом его воспоминания оборвались, сознание окутала пустота.— И чё звал? — разочарованно произнесла тёмная фигура и развернувшись скрылась в темноте.

— А мне-то почём знать было? Думал, турист какой очередной.— Бестолочь, ты очередная. Шишки вместо мозгов.— Предупреждать надо было.— Меньше в карты играй, больше знать будешь. Когда ты в последний раз в деревне был?— Не шуми. Вон он. Через утренний лес шли два человека, оба почтенного возраста. Патлатый щеголял в плащ-палатке, а второй, с окладистой бородой, носил рубаху, подпоясанную широким кушаком, и штаны свободного кроя, заправленные в яловые сапоги.— Вон там, — указал первый крючковатым, как высохшая ветка, пальцем. — Под тем деревом. Раздвинув кусты, они увидели Тимофея. Тот лежал под деревом и не шевелился.— Кажись, живой. Смотри-ка. Наизнанку ещё вывернулся, — хихикнул он. — Даром, что городской, а в приметы верит. Только это помогает если повстречался. А после уже без толку.— Кажись, — проворчал второй. — Не дай бог с ним что случилось, я тебя наизнанку выверну. Посмотрим какой толк выйдет. Хорошо ещё, что рассказал. Ладно, Тимофея не узнал, но машину отца его должен был помнить.— По мне так они все как одна крашенная железяка. Давай дальше сам. Я не пойду.— У-у-у-у! — пригрозил кулаком второй. — Сгинь с глаз моих! Присев на корточки, он осторожно тронул Тимофея за плечо.— Тим. Тима. Тимофей резко отшатнулся и тут же принял сидячее положение. Перебирая руками и ногами, он подался назад, пока не упёрся спиной в дерево.— Чур меня! Чур! — начал он одновременно кричать и креститься, вспоминая всё, что приходило в голову, несмотря на то, что был убеждённым атеистом. — Защити меня, Богородица и Николай Угодник! Святая Дева Мария, да святится имя твоё!— Тьфу ты, — послышался голос из зарослей. — Всех в один пасьянс сложил.— Ты ещё здесь? — старик оглянулся на кусты и снова повернулся к Тимофею, осторожно протягивая руку, как к испуганному зверьку.— Меня зовут дед Матвей, — он указал на себя рукой, общаясь с Тимофеем как с ребенком или иностранцем, который ничего

не понимает, . — Ты меня не помнишь, но я друг твоего деда.— Деда? — Тимофей ошарашенно и недоверчиво посмотрел на старика.— Деда, — повторил тот. — Никанора. Это я тебе телеграмму послал— Где я?

2. Странная телеграмма

Тимофей сидел перед компьютером и просматривал вакансии, когда в дверь позвонили. Он даже не сразу отреагировал, погруженный в свои мысли. В последнее время всё шло как-то наперекосяк. С работы уволили, в личной жизни не ладилось. Да и вообще. Казалось, будто город — это гигантский насос, выкачивающий из него силы. Отучившись в своё время в Московском архитектурном институте, Тимофей грезил будущими проектами. Затем получил несколько дополнительных образований, в том числе и архитектора-дизайнера, расширяя свои возможности. Поначалу Тимофей представлял, как будет проектировать и создавать красоту. Устроился в престижную компанию и целиком посвятил себя своей профессии. Но постепенно стал уставать. То, что виделось ему красивым, не вписывалось в концепцию компании. Кубизм и простота линий. Достаточно было нарисовать прямоугольник. Затем встроить в него несколько блоков и угловатых переходов. Проектировать человеиники стало скучно. Что отразилось на его карьере. Вырасти на работе не получилось, и, в конце концов, его уволили. Вот уже три месяца, как Тимофей не мог никуда устроиться. Будто в чёрный список попал. Плюс ко всему машина сломалась, а в текущей ситуации её ремонт был не по карману. Престижную иномарку теперь проще было продать, чем выделить из и без того дырявого бюджета деньги на починку. Да и привычный, роскошный образ жизни пришлось поставить на паузу. Ещё немного, и платежи по ипотеке и кредитам тоже станут неподъёмными. Отец бы сейчас позлорадствовал. Сказал бы: «Я же говорил? Говорил!» Хотелось уже всё бросить и уехать куда-нибудь: «в деревню, в глушь, в Саратов». Продать квартиру, закрыть долги и купить где-нибудь подальше от Москвы домик в деревне. Очередной звонок вернул его в реальность и Тимофей оторвавшись от кресла и пошёл открывать дверь. На пороге стоял странный тип, внешне смахивающий на почтальона Печкина из мультфильма. Не по погоде шапка, что-то вроде тулупа и сумка через плечо. — Вам телеграмма, — выпалил он, отдуваясь, как будто пробежал стометровку в этой одежде. — От гиппопотама? — усмехнулся Тимофей. — Э-э-э. Нет, — почтальон посмотрел на бланк. — От деда Матвея. — У деда Матвея нет интернета? В нём, кстати, тоже есть Телеграм. И от какого ещё деда Матвея? Вы ничего не перепутали? Год, век например. Какая ещё телеграмма в 21-м веке? — Вы это о чём? — не понял почтальон. — Именно это я и хотел спросить у вас первым делом, — не переставал острить Тимофей. — Какая ещё телеграмма и от какого деда Матвея? — Просто распишитесь и всё, — почтальон протянул бумажку и карандаш. — А гуся с вами, случайно, нет? — Тимофей демонстративно посмотрел за спину почтальону. — На кой тебе гусь? — видно было, что странный тип шуток не понимает и начинает заводиться. — Гусиное перо было бы уместнее. И чернила, — добавил Тимофей и хотел уже было закрыть дверь, но в щель успела пролезть нога. — Ты это, — показалось в щели возмущённое лицо. — Не зли меня, а то, неравён час, можешь и в жабу превратиться. Я это быстро устрою. Просто возьми и распишись, — затем пролезла рука с бланком. — Моё дело маленькое — доставить. — Чёрт с тобой, — выдохнул Тимофей. — Давай свою телеграмму. — взял бланк, карандаш. — Где? — Тут, — ткнул в бумажку пальцем, на конце которого вместо ногтя был какой-то дефект, вроде костного нароста, похожего на коготь. После подписи странный тип отдал саму телеграмму и следом достал из сумки ещё какой-то пухлый конверт. — А это что ещё? Бандероль? Тоже расписаться? — Тимофей осторожно принял конверт. — Ну вот и ладненько. И это, — обернулся, уходя, странный почтальон. — Не чертыхайся. Негоже это. Тем более другим чёрта кликать. Тимофей, не глядя и практически не слушая напутствий, захлопнул дверь.

Сделав своё дело, почтальон снова поднялся по лестнице на последний этаж и через дверь, которую он ранее, спускаясь выломал, вышел на крышу. — Давай, старая, быстрее

домой. Я спарился уже в этом тулупе, да и беспокойно мне тут. Где этого Лешего носит. Почему я? — ругался мужичок, скидывая одежду.— Сам вырядился так. Кто тебя заставлял?— Так я в последний раз почтальона в таком виде и запомнил.— Ты чем там гремел так?— Дверь замкнута была. Пришлось ненадолго обернуться, чтобы открыть.— Сёма! Ещё раз скажешь, что я старая, пешком потопаешь. Я чай помоложе тебя буду.— Давай, красавица. Домой уж больно хочется. Воздух тут не по мне.— Держись крепче. Да куда руки-то тянешь? Щас как дам по оглоблям! За талию держись!— Ещё бы найти её Всё! Молчу!От крыши многоэтажки оторвался странный летательный объект. Если бы кто-то его увидел, то описал бы следующим образом; женщина неопределённого возраста с чёрными длинными волосами и плюгавенький плешивый мужичок летят верхом на предмете, сильно смахивающем на метлу. Обычную. Ту, что используют дворники при уборке территории.

Вернувшись за стол, Тимофей первым делом изучил телеграмму. На старом бланке были приклеены полоски бумаги с отпечатанным текстом. Как будто телеграмма действительно отправлена с телеграфа и шла летдвадцать? Тридцать? На полосках Тимофей прочитал: «при-
езжай срочно тчк деревня тчк дед Никанор тчк получить наследство тчк конверт тчк»— Ни одной зпт. Всё категорично и тчк.Своего деда, Никанора, Тимофей помнил плохо. Если бы не эта телеграмма, то он наверняка даже и не вспомнил бы его имени. Время как-то стёрло воспоминания о деревне и о деде. Последний раз Тимофей был там, когда ему было лет десять. Не больше. А может, и того меньше. Тимофей даже попытался что-то припомнить из прошлого, но картина не складывалась, были лишь обрывки памяти. Как будто старая киноплёнка выцвела и потрескалась, а местами вообще рвалась, как бы Тимофей ни пытался её склеить. Вспомнилось только, как его отец ругался с дедом и просил оставить их в покое. И тем более не вовлекать во всё это Тимку.Отложив телеграмму, Тимофей взял пакет. Покрутил его в руках. Никаких надписей. Ни адреса нет куда и кому, ни откуда и от кого. Просто пухлый пакет из серой бумаги, запаянный сургучной печатью. В такую бумагу раньше на почте бандероли заворачивали. Потом перетягивали бечёвкой и скрепляли такой же печатью. Тимофею, тогда ещё в основном Тимке, всегда очень хотелось отведать на вкус эту печать. Уж больно она на шоколад была похожа. Но им посылки и бандероли никто не присылал, да и они никому не отправляли. Оставалось только с завистью наблюдать, когда он ходил на почту с мамой или папой, как другие, счастливые обладатели шоколадной печати уносят её с собой.И вот сейчас, когда он смотрел на эту печать, во рту сама собой образовалась слюна. Тимофей осторожно поддел ногтем сургуч. Кусочек тут же отломился и упал куда-то на пол. Отделив от бумаги оставшееся, Тимофей понюхал сургуч. Рецепторы настроились на вкус шоколада.— Да ладно. Попробуй уже, — как будто давая себе разрешение из того детства, промолвил Тимофей.Осторожно и в предвкушении он поднёс печать ко рту. Зубами ухватился за краешек и надкусил. Какой там шоколад, вкус горькой смолы— Всё детство в ложных надеждах, — обреченно вздохнул и выплюнул.Распечатав конверт, Тимофей обнаружил в нём бумажную карту. Точнее, часть карты. Её как будто отрезали от чего-то общего, оставив только самое необходимое. На карте был обозначен населённый пункт Базарово как ориентир. От него по трассе шла красная линия с надписью «13 км. Затем линия с трассы сворачивала направо. Надпись 7 км. и в конце пустое место, обведённое кружочком с надписью внутри «Шагалово. Сейчас мы тут».— Почему-то я не удивлён. Только карты бумажной не хватало.Тимофей перевернул карту и изучил её с другой стороны. Ничего интересного он там не обнаружил. Снова взял телеграмму. Во всём происходящем отсутствовала важная деталь – логика. Если есть конверт с картой, то зачем нужна была эта странная телеграмма. Всё это можно было написать в письме и не экономить на словах. Из всего послания Тимофей понял, что его зовут в деревню к деду. Получать наследство. Но в связке двух фактов «наследство и дед» напрашивался один вывод. Деда больше нет, и ему причитается какое-то наследство. Дом? Что ещё могло остаться после деда? И кто такой дед

Матвей?— Бойся своих желаний, — положил он телеграмму. — Хотел загородной недвижимости и вот она. Получите и распишитесь. В данный момент в городе его ничего не держало и устроить себе небольшую экскурсию в детство вполне допустимо. Есть, конечно, небольшие да, впрочем, что уж там. Если посмотреть на всё это здраво, то прямо-таки большие странности. Тем не менее новость не оставляла равнодушным. Какое-никакое, а в кои-то веки наследство. Пусть и домик в деревушке. И если Тимофей что-то и помнил, так это то, что деревня недалеко от города. А город сейчас расползается с такой скоростью и во все стороны, что есть большая вероятность того, что рано или поздно он и до деревни доберётся. Сам дом может ничего и не стоить, а вот землю наверняка можно будет выгодно продать. И необязательно городу. Вдруг, какой делец захочет выкупить там землю и построить коттеджный посёлок. Наверняка жителей в той деревне раз два и обчёлся. Тем более сам мечтал переехать куда-то за город. Денег, что останутся с продажи квартиры хватит на то, чтобы отстроить новый дом. Надо ехать. На месте уже и принять решение.— Стоп! — прервал свои размышления Тимофей. — С чего это ты вдруг уже решил, что поедешь? Тебе не кажется всё происходящее очень странным? Телеграмма. Огрызок карты, больше похожий на карту сокровищ. Да и ещё плюс ко всему ты после этого начал спорить вслух сам с собой. Но перспективы поправить своё финансовое положение были весомее сомнений. Тимофей открыл на ноутбуке карту и первым делом ввёл в поиск единственный доступный ориентир — населённый пункт, который был обозначен на обрывке карты. Ближе к Москве нашёлся такой только один. Теперь нужно понять направление.— Так... — размышлял вслух Тимофей, сверяя бумажную карту с электронной. — Если на бумажной карте он внизу трассы, то... Ага. Значит, направление в эту сторону. Отмерив тринадцать километров, он приблизил место поворота. Но, к его удивлению, в этом месте не было никакой дороги направо. Ни чуть ниже по трассе, ни выше.— Странно. Может, что не так рассчитал? Он ещё раз с помощью электронной линейки на карте отмерил тринадцать километров. Тот же результат. Затем на всякий случай он попробовал в обратном направлении. Но, во-первых, это определённо было не в ту сторону, а во-вторых, и там не было съездов с трассы на тринадцатом километре.— И что? — спросил он сам себя. Помимо того, что поворота не оказалось, так ещё не менее загадочным был тот факт, что конечная точка была обозначена не как какая-то деревня, а просто кружок с надписью «Шагалово. Теперь мы тут». Что значит теперь? А до этого где? Не тут? Набрал в поиске «Шагалово». Нашлось несколько вариантов, но все они были не так близко от города и тем более очень далеко от промежуточного ориентира. Да и сам ориентир был не настолько близко. Тимофей точно был уверен, что до деревни они ехали не так долго. Можно было бы поинтересоваться у мамы. С отцом, в своё время, как и его отец со своим, они успели поругаться и сократить общение до минимума. Даже на новоселье, когда он пригласил их с мамой, тот не приехал. Тимофей набрал номер мамы, но бездушный голос сообщил, что абонент вне зоны действия сети. Несколько дней назад они вдруг ни с того ни с сего собрались куда-то и уехали. Мама позвонила тогда и сказала, что ей с отцом пришлось срочно отлучиться. Тимофей поинтересовался, как далеко и насколько, но мама сказала, что отец ничего не объяснил. Попросила, если Тимофею будет нетрудно, зайти на днях и полить цветы. Они спешно собрались и сейчас находятся уже на автобусной станции далеко от Москвы. То ли в Базаново, то ли в Бажарово. Связь стала сбоить и потом вообще пропала. Тимофей тогда не придавал этому значения. Своих проблем хватало. И вот сейчас начал немного беспокоиться. Сделав над собой усилие, он набрал номер отца. Телефоны у обоих были вне зоны доступа. Оставалось надеяться, что с ними всё в порядке. Может, в том месте, где они находятся, нет связи.— Стоп! — Тимофей схватил обрывок карты. — Базарово! Автобусная станция, с которой в последний раз звонила мама. Она назвала населённый пункт именно тот, что был обведён на карте. Значит... значит, они уехали в деревню? Зачем? Тоже получили телеграмму про наследство? Тогда не удивительно, что нет связи. Удивительно то, что в его детских воспоминаниях деревня была всё-таки ближе, чем теперь предполагалось. И что это

за ребусы с пиратской картой сокровищ? Пришедшее понимание того, куда отправились отец и мама, не добавило ясности, а только всё запутало и стало как-то жутко. Телеграмма, странная карта, срочный отъезд родителей и их пропажа. Пусть пока только в виде недоступности телефонов, но всё-таки. А что, если это какая-то ловушка? Тимофей отбросил шпионские тревожные мысли. По крайней мере, здесь была прямая связь с его родителями. Можно, конечно, сходить в полицию и рассказать про всё это. Но телеграмма, пусть и странная, с обрывком карты не смахивает на угрозу. Вряд ли ему дадут в дорогу, в качестве охраны, отряд ОМОНа. — Ладно, — Тимофей закрыл ноутбук. — Утро вечера мудренее. Авось к утру эта история покажется не такой жуткой. Или наоборот. Всю ночь Тимофею снились какие-то кошмары. Как будто он собрался ехать в деревню, а город не пускал, опутывая тело ледяными щупальцами магистралей. Огромный спрут затягивал его в свою пасть, в чёрную глотку Лефортовского тоннеля, куда уже проваливались автомобили, хватаемые эстакадами-щупальцами. И старичок-почтальон этот, что был накануне. Грозит ему пальцем и настойчиво так бубнит: «Не поедешь, в жабу оберну! Не поедешь, в жабу оберну!..» А затем какая-то темноволосая девушка. Она вроде как машет и зовёт его. Только место, куда она зовёт слишком уж жуткое. Всё там какое-то мрачное и в свинцово-пепельном мареве. Будто в чёрно-белом кино. Тимофей проснулся в холодном поту. Нельзя сказать, что сон вызвал у него немедленное желание ехать. Но и не ехать было не вмоготу. Как будто какая-то неведомая сила его тянула в путь. И это явно не страх стать жабой. Что-то сильнее. Видимо — наследство. Решение материальных проблем. Сходя в квартиру родителей, он полил цветы, как просила мама, и на всякий случай осмотрел остальное. В целом везде был порядок и ничто не указывало на то, что родители уезжали в спешке. Уже выходя из квартиры, он заметил на крючке перед дверью ключи от отцовской машины и гаража, в котором она стояла. «А почему бы и нет?» — подумал он и взял ключи. Отец раньше разрешал ему брать машину. В отцовском гараже пылился старый жигулёнок. Третья модель 1978 года выпуска. Надёжная как лом, по словам отца. Сделанная на века. Тимофей обошёл машину по кругу. Из видимых недостатков была только пыль на корпусе. Мастодонта даже ржавчина обходила стороной. Шины были накачаны. Осталось проверить её работоспособность. — Может, ещё и не заведётся, — как бы успокаивал он себя, что если машина не на ходу, то куда не поедет. Может, позже, но точно не сегодня. Тимофей открыл водительскую дверь. Сел, вставил ключ в замок зажигания. — Ну, — погладил рукой руль. — Покажи, на что ты способна. Повернув ключ, Тимофей прислушался. Машина молчала. Даже панель приборов не загорелась. — Ну, конечно. Аккумулятор-то не вечен. Открыв капот, он заглянул в подкапотное пространство. Тут тоже выглядело всё идеальным. На аккумуляторных клеммах не было даже признаков окисления. Просто один провод был скинут с контакта. Тимофей вернул его на место и тут же от неожиданности выпрямился, чуть не стукнувшись головой о капот. Клемма заискрила, в машине что-то щёлкнуло, и дворники, скрипя, заехали по стеклу. — Даты с характером. Тимофей почесал затылок, только что чуть не встретившийся с капотом. Он снова сел за руль и включил зажигание. На удивление двигатель завёлся, как говорят, с полоборота и тихо заурчал. Датчик топлива показывал полный бак. Тимофей проверил все приборы, свет и поворотники. Несколько раз надавил на педаль тормоза. Затем заглушил двигатель и проверил ещё на всякий случай уровень масла. Придаться было не к чему. Трёшка была готова к путешествию и звала в поездку. — Документы же, — Тимофей цеплялся за последнюю соломинку: «Если документов нет, то как ехать-то?» Но последние надежды исчезли, когда он открыл бардачок. Там лежал полный комплект. Даже в страховку он был вписан, что очень удивило Тимофея. Как будто отец заранее позаботился обо всём. Спустя два часа жигулёнок уже урчал на выезде из Москвы. Решив, что ограничится одним днём, Тимофей не стал серьёзно собираться. Бросил в рюкзак только несколько сменных вещей на всякий случай, телеграмму, письмо, карту, зарядку и телефон, в котором он указал в навигаторе промежуточную точку. Как минимум на карте в навигаторе она существовала. Ещё он захватил с собой маленький

серый камушек. Собираясь вдруг вспомнил о нём. Достал шкатулку в которой с детства хранил памятные предметы и достал оттуда камушек. Пальцы ощутили шершавую поверхность и в памяти откуда-то вновь попытались всплыть воспоминания из детства. Определённо связанные с деревней. И ещё с кем-то. Вот только с кем? Покрутив между пальцев Тимофей засунул трофей из детства в карман брюк. До первого населённого пункта, с автобусной станцией, который был обозначен на бумажной карте, пути было примерно пару часов, и они пролетели без происшествий. Машина вела себя исправно. Разве что музыки не было. Тимофей попробовал пощёлкать кнопками древнего приёмника и покрутить ручки. В эфире было только шипение и обрывки голосов радиостанций. В контрольной точке он ещё раз сверился с картой и навигатором. Зашёл в кафе на автобусной станции и на всякий случай, показал буфетнице фотографию своих родителей. Та безразлично скользнула по фотом телефону пустым взглядом и ответила, что-то вроде: «ходят тут разные, всех не упомнишь». И поинтересовалась у Тимофея, будет ли что-нибудь брать или просто время её занимает. Взяв стаканчик с растворимым кофе, вернулся к машине. Ничего нового он тут не узнал, но именно здесь обрывался след его родителей. — Ну что. Последний рывок, — Тимофей завёл машину и снова вырулил на трассу. Только тут он сообразил, что пить кофе в дороге было плохой идеей. Отсутствие автоматической коробки передач усложняло задачу. Тимофей перехватывал стаканчик, то в одну руку, то во вторую, в зависимости от задач. Подстаканников в жигулях тоже не было предусмотрено. — Да чтоб тебя! — Тимофей, чуть не облившись, попробовал пристроить стаканчик на пассажирском сиденье. Отвлёкшись на пару секунд от дороги, он снова посмотрел вперед и увидел, что за короткое время ситуация успела измениться. На трассе откуда ни возьмись появился дедок. Он стоял чуть ли не посередине полосы так, что Тимофею сначала пришлось выругаться, потом попытаться что-то сделать с рулём и, в конце концов, нажать на тормоз. Стаканчик с кофе полетел на пол. Машина замерла буквально в нескольких сантиметрах от человека. Тот же, как ни в чём ни бывало, кивнул, посмотрев на Тимофея и обойдя машину, открыл пассажирскую дверь. — Подкинь, мил человек, коли по пути, — невозмутимо обратился он. Тимофей с трудом успокоил дыхание. — Вы понимаете, что я мог сбить вас? — Отчего же не понимаю. Хорошо понимаю, — пожал плечами тот. — Так не задавил ведь. Так что? — продолжил он. — По пути? Куда путь держишь? Тимофей ещё раз оценивающе посмотрел на мужчину. Патлатый, как будто неделю не расчёсывался. С бородой. В старых сапогах, накидке-плаще и с корзинкой. Скорее всего, местный. Грибник. Может, как раз и подскажет путь. — Я деревню одну ищу, — ответил Тимофей. — Шагало. Знаете такую? Грибник с подозрением посмотрел. — А на что тебе Шагало? — Надо, — Тимофей решил не вдаваться в подробности. — Знаете где? — повторил он свой вопрос. — Если знаете, тогда точно по пути. Тот ещё раз смерил взглядом Тимофея. — Как не знать? Знаю, — и не спрашиваясь сел рядом, перекинув рюкзак Тимофея на заднее сиденье. — Тут недалеко. Тимофей завёл машину, и продолжил путь уже в компании странного грибника. — А вы там живёте? — решил он порасспрашивать на предмет подробностей про деревню. — Как там места у вас? Есть на что посмотреть? Дедок прищурился и с открытым недоверием посмотрел на Тимофея. — А ты что там забыл? В Шагало. — Просто интересно, — улыбнулся Тимофей. — Может дачку там прикупить хочу. Нельзя, что ли? — Кому можно, а кому и не стоит, — пробурчал тот в ответ. — Щас поворот будет. Не гони. — Так, вроде, — Тимофей глянул на навигатор. — Ещё пять километров до поворота, — но скорость сбавил. — Умные все, как погляжу. И откуда только берётесь такие? Вот! — ткнул в лобовое стекло он крючковатым пальцем с облезлым ногтем. — Тут поворачивай. — Где? — Тимофей, как ни вглядывался в обочину, не мог понять, куда тот показывает. — Да вот же! — снова ткнул грибник. И правда. Где только что была сплошная стена деревьев, теперь появилась укатанная грунтовая дорога. «Её же только что не было!» — мелькнуло в голове у Тимофея, но он тут же отогнал сомнение. — Точно? — Точнее уже не будет. Тут быстрее. Лесом срежешь пару часов. Дорога хорошая. Укатанная. Да и дождей давно не было. Дорога и правда была

хорошая. Хоть и грунтовая, но без ям и ухабов. Ехать через лес было одно удовольствие.— А вы там живёте? — Тимофей повторил свой вопрос.— Из-под, — буркнул дедок, глядя в окно.— Под Шагалово живёте? Это что-то вроде Подмосковья? — не унимался Тимофей. Ему уже хотелось рассказать странному попутчику про цель своей поездки. Что его дед там живёт. Или, скорее всего, уже жил. Что у Тимофея там наследство. Но грибник вдруг резко оборвал его.— Тормози.— Приехали? — Тимофей посмотрел по сторонам, но кроме леса ничего не увидел.— Я приехал, — и стал собираться. — А тебе прямо не сворачивая, — махнул он рукой вперёд.— Я по грибы. И это... — Пошарил в корзинке и достал оттуда свёрток. Возьми пирожков. И квас, — протянул он следом стеклянный пузырь, закупоренный бумажной затычкой.— Да не надо, — Тимофей начал было отнекиваться от угощений.— За помощь. Негоже отказывать, — грибник поднял указательный палец. — Вот ещё... — запустил он руку в карман плаща и стал там шарить. — Денег возьми, — протянул Тимофею пяти тысячную купюру.— Ну что вы. Не надо. Мне же по пути. Да и помогли мне с дорогой. Сам бы я не знаю, как искал.— Бери-бери. У меня много. Всё равно мне ни к чему, — с этими словами он снова пошарил в кармане, и, к изумлению Тимофея, извлёк оттуда ещё несколько хрустящих купюр и протянул их ему, буквально запихивая в руки.— Ого! — опешил Тимофей. — Грибной бизнес хорошо идёт?— Бери, — махнул рукой и закрыл дверь.— Как звать-то вас? — крикнул ему вдогонку Тимофей. Надо будет потом разыскать этого странного грибника, вернуть деньги. Вдруг тот не в себе.— Дядя Лёша! — донёсся из чащи голос, и тут же шелест листьев поглотил его. Тимофей ещё раз пересчитал купюры. Вышло шестьдесят пять тысяч. Очень неплохой заработок за несколько минут поездки. Таксисты обзавидовались бы. Аккуратно сложив деньги в карман, он откупорил бутыл. Пахнуло хлебом и мёдом. Сделав несколько глотков, Тимофей почувствовал, как по телу разливается бодрость, несравнимая даже с кофе. Он откусил пирожок, завёл двигатель и тронулся в путь. Если верить дяде Лёше, Шагалово уже близко.

3. Шагалово

— Меня зовут дед Матвей, — он указал на себя рукой, общаясь с Тимофеем как с ребенком или иностранцем, который ничего не понимает. — Ты меня не помнишь, но я друг твоего деда. — Деда? — Тимофей ошарашенно и недоверчиво смотрел на старика. — Деда, — повторил тот. — Никанора. Это я тебе телеграмму послал. — Где я? — В Шагалово. — А! Телеграмму... это вы? — Я, — кивнул Матвей. — Ну, что с картой была ещё. Давай, поднимайся. Тимофей поднялся и осмотрелся. Всё тот же лес. Дед Матвей развернулся и поманил его за собой. Следуя за стариком, Тимофей не без удивления обнаружил, что тропинка под ногами снова отчётливо видна. А буквально через две минуты деревня открылась их взглядам, словно поджидала за ближайшим поворотом. Не мог же он вчера бродить так близко! Получается, потерялся на краю леса. Но Тимофей точно помнил, что никакой тропинки вчера не было. Деревня располагалась прямо на опушке, окружённая лесом и как будто специально пряталась от посторонних глаз. Чуть поодаль протекала небольшая речушка. Выскакивала из леса, делала ленивый крюк вдоль деревни и снова убегал в лес. Саму деревню напололам разрезала грунтовая дорога. С видимой стороны, сразу за деревней она растворялась в траве и заканчивалась. Что было с той стороны? Возможно, тот самый въезд, с которого Тимофей и должен был заехать. Вдоль дороги тянулись рядки стареньких изб. Бревенчатых, с покосившимися крышами. Тимофей успел оценить, что с точки зрения природы и изолированности от основной трассы, место, идеальное для какого-то дорогого коттеджного посёлка. Сами дома никакой ценности не представляли. — Машина в лесу осталась! — вспомнил Тимофей. — Не переживай. Вызовим, — успокоил дед Матвей. — Если бестолочь в карты не успеет проиграть, — уже тихо и куда-то в сторону добавил он. — Это вы о ком? — всё равно услышал Тимофей. — И что значит — в карты проиграет? — Я же сказал, не переживай. Ничего не случится с ней, — проигнорировал вопрос дед Матвей. — Тебе с дороги отдохнуть надо. — Да уж, — согласился Тимофей. — Мне чёрте что ночью привиделось. — Не чертыхайся, тогда и не привидится ничего. Они шли уже по улице вдоль домов. Из окон некоторых выглядывали любопытные лица. Но в целом было тихо и безлюдно. Даже собаки, обычно первые встречающие лаем чужака, молча провожали их взглядами, и эта тишина напрягала больше любого лая. — Дед Матвей, а вот я хотел спросить про деда. И про родителей. Они здесь? — Всё после, — Матвей остановился и положил Тимофею руку на плечо. — У тебя ещё много дел впереди. Давай, сначала обустроишься, осмотришься, пообвыкнешь, а потом уже и разговоры. — Вообще-то, я рассчитывал одним днём обернуться. Я даже ничего не брал с собой, кроме телефона. У меня и вещей-то особо нет. — Тимофей достал мобильник. — Кстати. Как тут у вас со связью, — поднял он его над собой и покрутил, пытаясь найти сигнал. — Тебе здесь ни к чему эта бесовская штука, — дед Матвей опустил руку Тимофею. — Мы всё как-то по старинке. По-людски. Связь у нас только духовная здесь. С родом. — Да я уже понял. По телеграмме, — пояснил Тимофей. — Нет. Я понимаю, — продолжил он, усмехнувшись, — что у вас здесь ещё мог телеграф сохраниться. Но как вы в город телеграмму отправили? А музыку вы на патефоне до сих пор слушаете? — Ты, Тимка, не язви, — строго сказал дед. — У нас это не принято. Могут случиться неприятности, несмотря на твоё родство с Никанором. — Ага. Как с этим дядей Лёшей, — хмыкнул Тимофей. — Хотел бы я на него посмотреть. Он из ваших? Завёз в лес и бросил. Кстати, — Тимофей залез в карман куртки. — Станный мужичок. Насовал мне пятитысячных за то, что я его подбросил. Он случаем, головой не поехавший? Выудив руку из кармана, Тимофей извлёк оттуда плотную стопку листьев. В основном дубовых, но попадались и берёзовые. — Ничего не понимаю, — Тимофей бросил листья на дорогу и начал шариться в других карманах. — Было же шестьдесят пять тысяч рублей. Новенькими купюрами. — Охолопись, — дед Матвей тяжело вздохнул, прерывая его поиски. — Что он ещё тебе дал? — Кто? Дядя Лёша? — Именно. Уго-

щал?— Да. Хоть на этом спасибо ему. Не дал от голода и от жажды помереть. Тимофей было полез в рюкзак, чтобы показать это старику, но тот остановил его.— Не надо. Дай я просто выброшу.— Да что ещё не так? — Тимофей тем не менее достал бутылку и свёрток. Матвей откупорил бутылку, понюхал и брезгливо поморщился.— Козлятиной отдаёт, — буркнул он и вылил квас на землю. — Хотя, правильнее было бы дядю Лёшу заставить это пить. Тимофей ничего не понял. Но когда он развернул свёрток с пирожками, пахнувшими конским навозом, к горлу подступила тошнота. Бросив пирожки на землю, он отвернулся в другую сторону и согнулся пополам.— Угощался? — мрачно поинтересовался Матвей. Вместо ответа Тимофея вывернуло.— Ну всё-всё, — успокаивал его дед Матвей, похлопывая по спине. — Не ты первый, не ты последний. А дяде Лёше ещё аукнется. — и куда-то в сторону погрозил кулаком.— Щас обустроишься, отдохнёшь. А вечером в баньку сходишь. Как новенький станешь.— А я что? Похож на старенького уже, — Тимофей утирал рот рукавом. — Есть вода? И что это за сюрпризы с угощениями от дяди Лёши?— Кстати, про воду, — вспомнил Матвей. — В доме не держи воды ни в какой посуде. На улице — ради бога. Но в дом заноси, если глаз не будешь спускать. Чайник вскипятил, чай попил и тут же унёс. Тимофей не понял, к чему такие сложности с водой, но старик не стал вдаваться в подробности.— Потом сам всё поймёшь, — сказал он, и в его глазах мелькнула добрая усмешка. — Со временем. Дом Тимофея, а правильнее сказать его деда, располагался в самом конце улицы. Тут наследнику пришлось снова удивиться. Дорога, что шла через всю деревню, сразу за домом бесследно обрывалась, утопая в густой траве. Возникало стойкое ощущение, что за пределы этого круга никто и никогда не выходил. А тем более, не выезжал. Дом на вид был таким же ветхим и покосившимся, как и остальные. Брёвна потемнели от времени, но странным образом не тронуты гнилью. «Не хоромы», — с горькой усмешкой подумал Тимофей, но шагнул вперёд.— М-да, — произнёс он немного разочарованно. — А участок-то большой?— Для хозяйства хватает, — пожал плечами дед Матвей. — Там банька чуть поодаль. Я к вечеру растоплю её тебе. Городской дух смоешь с себя. Сразу почувешь, как кровь заиграет. Старик отворил калитку и пропустил вперёд Тимофея. С лавки, перед домом тут же спрыгнула рыжая кошка, что грелась на солнце и, спрятавшись за углом с любопытством, уставилась на гостя.— А ну, гуляй! Нечего тут глазеть! — прикрикнул дед Матвей, топнув ногой. Кошка фыркнула, выгнула спину, а затем, с невозмутимым видом развернувшись, махнула хвостом, будто говоря: «Не очень-то и хотелось». Пошарив над косяком, дед выудил оттуда старый ключ. Открыл им такой же древний замок. Матвей отворил дверь и строго сказал:— Запомни: уходя — запирай снаружи. Ночью — изнутри закрывай на засов. Забудешь — беда будет.— Настолько тут доверять никому нельзя? — усмехнулся Тимофей. — Или медведи по ночам ходят? Дед Матвей ничего не ответил. Зашел первым в дом. На пороге несколько раз звучно кашлянул, огляделся и затем позвал Тимофея. Внутри оказалось немногим лучше, чем снаружи. Скрипящие половицы, низкие притолоки. Из сеней они попали в просторную комнату, в центре которой была огромная печь. Вокруг печи расположились другие помещения. Кухня и две небольшие спальни. Мебель без изысков, но всё чистое, как будто тут недавно убирались. В зале обеденный стол с двумя лавками по бокам. Сервант с посудой, которую, судя по всему, доставали только по праздникам. Фотографии в старых рамках. Шкапулка. Над сервантом репродукция картины «Неизвестная». Словом, довольно обычный деревенский дом. Необычным было вот что; по всей стене, что прямо напротив серванта, висели часы разных форм и размеров. Одни из них были в виде кошки с глазами над циферблатом. Дед Матвей подошёл к этой стене. Тяжёлыми гирьками подтянул цепи, там где это уже требовалось и поправил стрелки. Раздалось первое, хриловатое «тик-так», за ним второе, третье и вот дом уже наполнился ровным, успокаивающим стуком. Глаза кошки над циферблатом задвигались в такт: вправо-влево, вправо-влево.— Ну вот, — дед Матвей обвёл рукой незамысловатое хозяйство. — Я думаю разберёшься что где. Вот тебе — он достал из сумки свёрток. — Немного еды на первое время, а там уж устроим. Тимофей осторожно, одним пальцем подце-

пил край бумаги.— Вы меня пугаете этим «на первое время». Я не планирую задерживаться, — напомнил он.— Да не бойсь, — усмехнулся дед Матвей. — Всё натуральное. Хлеб, яйца, картошка, огурцы, лук. Что там ещё Клавдия положила? — заглянул он в свёрток. — А. Сала шмат. Молока сейчас попрошу, принесут. А насчёт не планируешь так время оно покажет. И помни про воду. Никакой воды в доме.— А молоко?— Молоко — не вода. Молоко можно. Там на кухне, найдёшь соль и посуду всякую.— А газ? Газ есть? Плита работает? — уточнил Тимофей. — Я уж про микроволновку не интересуюсь. Я так понял, что и электричества у вас тоже нет.— Правильно ты всё понял. А плита в печи. Затопишь дровами и грей, что тебе надо. Я вечером зайду. Отдыхай.— И всё же, — напомнил Тимофей. — Про моих родителей. Старик посмотрел куда-то в сторону, будто собираясь с мыслями.— Давно не было твоих родителей здесь. А про остальное потом расскажу. Матвей перед уходом прошёлся по дому. Заглянул во все комнаты и даже под кроватями посмотрел, что-то бормоча себе под нос. Затем попрощался и вышел. Тимофей решил внимательнее изучить дом. То, что родители здесь не появлялись, вызывало тревожные мысли. И не позвонить, чтобы проверить вышли они на связь или нет. Но раз уж он здесь, то надо до завтра закончить дела и ехать обратно. Постараться выяснить, где они. И если ситуация не прояснится, то тогда уж идти в полицию, чтобы объявили в розыск. Три дня точно уже прошло. В том самом серванте, что стоял в зале, его заинтересовали старые фотографии. Их было три. Одна совсем ветхая, почти неразличимая. На ней были запечатлены старик, мужчина и женщина с ребёнком. В отличие от мужчины в военной форме, старик и женщина были в простых крестьянских одеждах. Мужчина сидел рядом с женщиной. Одной рукой обнимал её за плечи. На коленях у женщины мальчик. Лет пяти-шести, скорее всего. Позади них стоит старик. На второй фотографии, не менее древней, тоже семья. Композиция такая же. Только мужчина и женщина другие, а мальчик сидит на деревянной лошадке возле них. Третья фотография была уже узнаваемой. Фото сделано на улице. Судя по всему, на фоне дома. На лавочке, где только что грелась кошка, сидят его отец с молодой мамой. Позади них стоит, судя по всему, его дед Никанор. Он положив обоим руки на плечи. На шее у деда сидит Тимофей, тогда, просто Тимка. Тимофей пытался вспомнить, когда и при каких обстоятельствах была сделана эта фотография, но как ни силился, память ускользала. Помимо общей композиции на всех фото было ещё что-то общее. Тимофей взял сначала одну карточку. Рассмотрел её поближе. Затем другую. Кроме поз было что-то ещё на всех них одинаковым. Но что, Тимофей никак уловить не мог, как ни всматривался. Больше ничего примечательного в доме не было, если не считать навязчивого ощущения, что стоит только отвернуться, как глаза на часах-кошке прекращали своё движение и начинали пристально следят за ним. Но стоило встретиться с ними взглядом и нарисованные глаза снова послушно начинали метаться из стороны в сторону. Тик-так. Вправо-влево. Тик-так. Убаюканный этим ритмом, Тимофей начал дремать, прямо за столом. И тут его вырвал из полудрёмы резкий, настойчивый стук в окно. — Дядя Тимофей! — кричал с улицы мальчишеский голос. — Я вам молока принёс! Тимофей открыл окно, впусив свежего воздуха в дом. Выглянул на улицу. Под окном, с кувшином молока в руках, стоял мальчишка. Лет десять-двенадцать на вид. Никаких модных джинсов и цветастых футболок. Простая и незамысловатая одежда. Штаны даже, вроде как, верёвкой подпоясаны. И босиком.— Даже лаптей дома не нашлось? — пошутил Тимофей и кивнул на босые ноги пацана. Мальчишка удивлённо посмотрел на него, потом на свои ноги, будто впервые их видел.— Так, лето же, — пожал он плечами. — К чему обувь, когда ни дождя, ни снега? — И то верно, — согласился Тимофей. — Давай, — протянул руки. Мальчишка отдал ему кувшин с молоком, но уходить не собирался. Он так и остался стоять под окном. Мялся, и видно было, что его подмывает что-то спросить.— Ну, давай уже, — подбодрил его Тимофей.— А вы правда приехали деда Никанора искать? — выпалил он.— Искать? — не понял Тимофей. — А разве он не умер? Мальчишка отшатнулся, словно от огня.— Умер? — прошептал он. — Кто вам такую... неправду сказал?— Вообще-то, у меня телеграмма есть. Там про наследство что-

то было сказано, — пояснил Тимофей. — А наследство достаётся только в одном случае. — Вы, наверное, неправильно поняли. Лучше я пойду, — резко засобирился мальчишка. — Стой! Как тебя звать-то? — Фёдор! — крикнул он обернувшись. — Неправильно понял, — Тимофей отошёл от окна и поставил кувшин на стол. — Так-то, если, по правде, то теперь я вообще ничего не понимаю. Ну да ладно. Вечером дед Матвей придёт и всё расскажет. Надо про бумаги на дом и участок ещё спросить. — он так их и не нашёл. Разложив на столе нехитрую снедь, он с удовольствием пообедал. Даже тарелку искать не стал. Так, с бумаги и брал. Тимофею показалось, что он ещё никогда с таким удовольствием не ел. Молоко в кувшине было приятно прохладным и свежим. Не то, что в супермаркетах. Даже никакое фермерское не могло сравниться с тем, что ему принёс мальчик Фёдор. Остаток дня Тимофей провёл за изучением окрестностей. Он прошёлся по дороге вдоль домов. Почти из каждого окна его ощупывали любопытные взгляды, но стоило Тимофею повернуть голову, как занавески задёргивались, а за ними мелькали размытые силуэты. Улица была пустынна и неестественно тиха, будто по сигналу все жители попрятались по дворам. — Очень всё это странно, — за неимением собеседников Тимофею приходилось разговаривать с самим собой. — Я бы взялся за проект коттеджного посёлка здесь. — в воображении рисовались дома в старорусском стиле, но адаптированные под современные реалии. Не меньше всего остального его беспокоил вопрос оставленной в лесу машины. Он, честно говоря, надеялся найти в деревне трактор. Однако со временем понял, что тут вообще никакой техники нет. Но тогда, хотя бы лошадь и того, кто сможет найти дорогу до машины. Сам идти в лес он не рисковал. С него хватило проведённой там ночи. В конечном счёте Тимофей осознал, что искать помощи не у кого. Стоило ему только подойти к любому забору и позвать хозяев, как те сразу прятались внутри и запахивали занавески. Только кошка, что первой встретила его у дома деда, составляла ему компанию. Она хоть и на расстоянии, но неотступно следовала за ним. — Кис-кис-кис, — Тимофей присел и позвал её. — Хоть с тобой поговорить. Дикие тут у вас все какие-то. Кошка только сидела на безопасном расстоянии и смотрела на Тимофея, не собираясь уделять ему внимания больше, чем уже позволила себе. Разве что широко зевнула. — Не дичее уж чем у вас в городе, — внезапно раздался женский голос позади Тимофея, так что он чуть не подпрыгнул от неожиданности. Обернувшись, увидел женщину. Если её описывать, то можно ограничиться одним словом — крестьянка. Этим было бы всё сказано. — Клавдия, — представилась она. — Жена деда Матвея, — вспомнил Тимофей. — Ну, — смущённо улыбнулась она. — Не такой уж он и дед. — Извините. Просто он сам так представился. Я ничего такого плохого не хотел сказать. Клавдия только махнула рукой, показывая, что не стоит и обсуждать. Сказала, что можно звать его просто Егорыч. Не обидится. Так его все зовут. Проводила Тимофея до дома и объяснила странное поведение жителей. Дело в том, что Тимофей человек новый, а такое тут редкость. Пообвыкнутся. Матвей сам завтра представит. Созовёт общий сбор там всё и объяснит всем. — Так-то они знают, что ты внук Никанора, — добавила Клавдия. — Просто не знакомы и не ведают твоей силы. Вот и опасаются пока что. — Опасаются? Да я тут самый безобидный человек! И что им в моей силе? Я не драться сюда приехал. Я вот про деда хотел уточнить, — решил не упускать возможность Тимофей. — Что случилось-то. В телеграмме про наследство, а тут мне мальчишка как же его? — Фёдор? — подсказала Клавдия. — Да. Фёдор. Спросил меня: правда ли то, что я приехал своего деда искать? — Болтун. Язык без костей, — с материнской нежностью в голосе покачала головой Клавдия. — Сын наш. Пусть муж сам всё расскажет тебе. — О! И ты уже здесь. — Тимофей посмотрел на рыжую кошку, что осторожно выглядывала из-за его дома, когда они уже подошли к нему. — Весь день за мной ходит. Может, молочка ей дать? У меня осталось. Клавдия только шикнула на кошку, и та скрылась. Женщина подождала, пока Тимофей уйдёт в дом, и пошла к калитке. Едва она отошла от забора, как ее догнала девушка с ярко-рыжими волосами. — Клавдия! — Фу ты! — перекрестилась женщина. — Так и чувств можно лишиться. Ты что? Следишь, что ли? Матвей же сказал до завтра носу не казать никому

из дому. А ты под ногами всё крутишься. Или я чего-то не знаю? Девушка опустила глаза. — Ясно. Никак приглянулся Тимофей? На старые дрожжи? Лицо в обрамлении огненных волос залилось румянцем. — Василиса, — Клавдия понимающе посмотрела на неё. — Вдруг он женат вообще? Или невеста у него есть? — В жабу превращу! — глаза Василисы вспыхнули так, что казалось, вот-вот полетят искры. — Или в скользкого ужа! — но тут же спохватилась. — Мы же дружили в детстве. — Ну-ну, — обняла её Клавдия улынувшись. — Молодая, горячая. Вся в мать. Ты давай это Утро вечера мудренее. Обещаешь мне, что не будешь до завтра на глаза Тимофею попадаться? Василиса угрюмо кивнула, и в её глазах мелькнула знакомая Клавдии решимость. Прежде чем та успела что-то сказать, девушка резко развернулась и, подхватив подол, пустилась бегом. — Пстой! — окликнула ей Клавдия. Но было поздно. Рыжие волосы мелькнули в закатном свете и скрылись за поворотом. Клавдия вздохнула и, качая головой, пошла своей дорогой. Тимофей, всё время, пока женщины общались, стоял в доме у окна и наблюдал за ними. Разговора он не расслышал, но вот девушка его заинтересовала. Как только они ушли Тимофей открыл окно и выглянул на улицу. Но нигде рыжей девушки не было видно. Лишь рыжая кошка выглядывала из-за угла дома, а затем, как только Тимофей повернул голову в её сторону, исчезла в кустах малины. — Чертовщина какая-то. В ответ ходики на мгновение захрипели и замерли. Тимофей поймал на себе неподвижный, осмысленный взгляд кошки над циферблатом. В доме воцарилась гнетущая тишина. Но через секунду маятник дёрнулся, и часы, спешно навёрстывая упущенное, затикали с удвоенной скоростью. Что-то неуловимо знакомое было в лице девушки... Нет, не в лице — в осанке. В этом гордом изгибе шеи. Где-то на другом краю деревни женский голос кого-то звал. Васю? Лису? И будто в ответ из кустов у дома донеслось короткое «Мяу!»

— Василиса! Васька! Чтоб тебя! — на пороге дома, подбоченясь, стояла женщина в алой косынке, смахивающая на грозную комиссаршу. Она прикрыла глаза ладонью-козырьком и пронзительным взглядом прочесывала улицу. — Я те хвост-то откручу! Чтоб не крутила им перед кем ни попадя! В тот же миг с карниза на её плечо прыгнула рыжая кошка, соскочила на крыльцо и, крутанувшись волчком, выпрямилась в рыжую девицу. — И ничего я не кручу! — фыркнула Василиса и, демонстративно пихнув плечом мать, прошла в дом. — Ты мне зубы-то не заговаривай. Я же вижу, как ты с самого утра вьёшься вокруг Тимки. — Мам! — обернулась на пороге Василиса к наступающей ей на пятки матери. — Мне просто... интересно, каким он стал. — Да не помнит он тебя. Когда вы виделись-то в последний раз? Ты тогда ещё даже оборачиваться толком не умела. Томыш, то ящерица. Помнишь, как он хвост чуть тебе не оторвал?

4. Необычные соседи

Только Тимофей прикрыл глаза, чтобы скоротать часы и минуты ожидания, как его разбудил стук в окно. На улице стоял раскрасневшийся дед Матвей и утирался рукавом.— Добрый вечер, дед Матвей, — поприветствовал его Тимофей.— Давай, это Ну без этого – дед, дядя. Просто, Егорыч. И это баня готова. Когда Тимофей вышел из дома, Егорыч напомнил в очередной раз про замок. Тимофей так и не понял до сих пор, зачем так упорно делать акцент на этом. Из ценных вещей в доме ничего не было. Разве что, кроме его телефона теперь. Но в деревне от него толку мало было. Да и если уж на то пошло, то кому надо в окно залезли бы. Проводив Тимофея до бани, Егорыч показал, как всё в ней устроено. В бане пахло дымом, дёгтем и сушёной мятой. Сквозь запотевшее окошко пробивались косые лучи заката, выхватывая из мрака грубые лавки. В предбаннике лежала стопка чистого, пусть и не нового, белья для Тимофея. В углу кадка с водой и ковшик, чтобы ополаскиваться. Вдоль стены, на верёвке, были развешены веники и просто какие-то пучки сушёных трав.— Ну вот, — пригнувшись, потому что высота потолка не позволяла выпрямиться в полный рост, объяснял Егорыч и показал на небольшую дверь в саму парилку. — Я растопил. Тебе в самый раз будет. Веники запарил. Там, внутри. Повалейся на полоче, погрейся, да дух городской смой. Мочалка и мыло тут. В тазу, — указал он под лавку в предбаннике. — Всё. Я домой. Ты, как помоешься, иди спать. Я завтра с утра людей соберу и зайду за тобой. Егорыч ушёл, оставив Тимофея смывать городскую пыль. До сих пор никаких ответов, ни даже намёков на то, зачем он, собственно, сюда приехал не было. Одни загадки да странности. Да и сам факт наследства был теперь под большим вопросом. Раздевшись, Тимофей распахнул дверь в парилку.— Ох, тыж! — он отшатнулся, будто на него дыхнуло жаром, как из мартеновской печи, и, захлопнув дверь, бросился к выходу. — Твою ж! — тут же зашипел Тимофей, схватившись за лоб. Выбежать на улицу у него не получилось. Угодил головой в притолоку, которая приходилась чуть выше его глаз. — В самый раз, значит? Подержав двери открытыми, Тимофей дождался, когда в парилке остынет до терпимой температуры. И только после этого он с удовольствием растянулся на полоче. Баня снова набирала жар, но теперь он был терпимым. Тимофей постепенно привыкал. Первый раз он даже смог долго полежать. До тех пор, пока в парилке снова не стало невыносимо жарко.— Не хватает только пива и — сидел он в предбаннике, — Чтоб какая-нибудь деревенская красавица попарила меня. — поднял взгляд на веники. Но вместо пива был только кувшин холодного кваса, а вместо деревенской красавицы вообще ничего не предлагалось. Тимофей вернулся в парилку и взял веник. Отхлестав себя, насколько это было возможным, он снова позволил себе расслабиться.— Кайф. Прав был Егорыч. Как будто заново рождаюсь. В печке приятно потрескивали поленья, а за окном на улице предвещали тёплую ночь сверчки. Сумерки как-то быстро перешли практически в ночь, и свет в парилке давали только догорающие дрова. Тимофей ещё раз сбёгал в предбанник, в котором кто-то успел зажечь керосинку. А может, она уже тут горела, когда они пришли. Или Егорыч возвращался. Впрочем, это было неважно. Решил последний раз попариться, пока жар ещё есть, а потом уже мыться и идти в дом. Глотнул холодного квасу и, вернувшись в парную, снова улёгся. Тимофей лежал лицом вниз, почти дремля, как вдруг скрипнула половица. Он не успел даже поднять голову, как сзади раздался мягкий женский голос:— Может, поддать? Тимофей резко принял сидячее положение, прикрываясь веником, что он успел схватить. В полумраке, в сполохах догорающих поленьев, прямо перед ним стояла женщина. То, что она была голой, видно было даже в полумраке. На грудь спадали чёрные волосы. Тимофей заворожённо следил за прядями этих волос, скользящих по обнажённым плечам... но тут же, покраснев, отвёл взгляд. Вдобавок ко всему даже глаза закрыл. А потом ещё и рукой.— Простите, я не слышал, как вы вошли, — зачем-то оправдывался Тимофей, как будто это не к нему, а он ворвался без предупреждения в женское отделение. Девушка

задно расмеялась и присев перед топкой подбросила несколько поленьев в неё. Тимофей чуть приоткрыл глаза. Вот опять, «бойся желаний своих». Хотел девицу — снова получите и распишитесь. — Простите, а вы кто? — поинтересовался Тимофей. — Вас Егорыч прислал? — Егорыч? — девица напряглась. — Да, — кивнул Тимофей. — Он просто ничего не сказал мне. Не предупреждал про вас. Попрощался до утра и ушёл. Девица облегчённо выдохнула и снова встала. Так, что Тимофею пришлось опять невольно отворачиваться и прижимать к себе веник посильнее. — Егорыч меня послал, — согласилась девушка. — Банница я. Так-то муж обычно, но сегодня вот нет его, — улыбнулась она. — А ты смелый. Хочешь, попарю? Как раз третий пар пошёл. — Третий? — не понял Тимофей. — Что значит третий? Вместо ответа девушка подошла вплотную к Тимофею так, что её грудь разве что не упёрлась ему в лицо. Опустила руки ему на плечи и нежно, но настойчиво развернула и уверенно уложила обратно на полку. — Ну, ладно, — неуверенно согласился Тимофей. — Только недолго. Я уже мыться собирался и домой. — Так я тебя и обмою, — наклонившись к Тимофею так, что он спиной почувствовал её упругую грудь, шептала она ему на ухо. — Ой, — только и смог промолвить Тимофей. Девушка начала аккуратно и осторожно охаживать его веником. Так, что Тимофей даже разомлел. Затем взяла второй. — Простите, а как вас зовут? — язык его уже еле ворочался от удовольствия. — Да на кой тебе имя моё? — следом Тимофей почувствовал, как девушка села на него верхом и её руки начали разминать ему спину, а затем мягко охаживать веником. — Ой, — снова почувствовал он неловкость. — Какой же ты хорошенький. Прямо загляденье, — прошептала она, но в её голосе вдруг послышалась насмешка. — Только слишком уж... ручной. Городской что ли? Сейчас мы это исправим! И прежде чем он успел что-то понять, приятные похлопывания сменились тяжёлыми, жгучими ударами — Ой! Девушка! — Тимофей попытался приподняться, но властная рука с силой прижала его обратно к полку. — Девушка! Слишком сильно! Хватит! — пытался он снизу обратить на себя внимание и объяснить, что ему не всё из предложенного может понравиться. — Мы только начали, — послышался голос возле его уха, а следом и её язык как угорь скользнул внутрь. — Какой же ты славный. Прямо подарок. Тимофею совсем не нравилось быть таким подарком, но складывалось такое впечатление, что ко всему стыду, девушка была почему-то сильнее чем он. Своими бёдрами она так сжимала Тимофея, что тому казалось, ещё чуть-чуть и его таз треснет. А её руки будто железными тисками пригвоздили грудь к полку. А потом ещё как колючей проволокой ногтями прошлась по спине. — Я деду Матвею всё расскажу! — как-то по-детски выдавил из себя Тимофей, чуть не плача уже от бессилия. — Отпустите меня, пожалуйста. Тимофей, конечно, слышал о нестандартных увлечениях, но чтобы это добралось до глухой деревни Он уже представил, что ожидает его далее, и несмотря на жар в парной, где-то внутри всё похолодело. — Деда моего тут все знают, — нашёлся он. — Дед Никанор! Я его внук! — выдохнул Тимофей. Девушка замерла, будто её окатили ледяной водой. — Никанор? — её хватка ослабла. — Старого Ника... Тимка? — слезла она с Тимофея. Снова присела рядом, и её лицо оказалось прямо перед его глазами. Тимофей молча кивнул несколько раз, подтверждая это и всё ещё не в силах подняться. — Тимка. — прошептала она. И по мере того как это имя звучало в тишине, с ней происходила удивительная перемена. Молодые черты лица поплыли, проступили морщинки у глаз, а в самой глубине взгляда появилась усталая мудрость. Перед ним сидела уже не девушка, а женщина в годах. — Господи, Тимка... — сокрушённо провела она рукой по лицу. — Как же неловко... Никогда бы не признала. — Женщина взяла за плечи Тимофея и посадила его на полку. — Думала Егорыч — женщина на секунду задумалась, а потом махнула рукой, — да вообще ни о чём не думала. Как увидела тело молодецкое, так разум в печную трубу вылетел. Ты это, — она провела рукой Тимофею по лбу, поправляя ему чёлку. — если что не обижайся. Не признала. Да и откуда? Сколько лет прошло. Я ж тебя ещё вот таким, — показывала она рукой невысоко от пола, — мыла тут. А спина, она сама пройдёт. Я тебе мазь дам. Женщина что-то тараторила без умолку, поливая Тимофея водой и намыливая его. Особенно осторожна и аккуратна она

была со спиной. Дула на неё и обходила ранки. Несмотря на то что она так и осталась раздетой, как и Тимофей, неловкость его куда-то испарилась. Он как будто снова стал тем самым Тимкой, которого как и прежде, в его детстве, мыла эта странная девушка-женщина. Последнее, что помнил Тимофей, — как Банница, уже в одежде, мажет ему раны на спине, помогает одеться. А дальше — лишь смутные образы пути до дома, тёплой постели и чувства полной безопасности. Пришёл в себя, когда он уже лежал в чистой одежде и на свежем белье. Как будто кто-то передел, отнёс его из бани в дом и уложил спать. Только часы-ходики нарушали тишину ночи. Тик-так, тик-так. И глаза кошки, вроде как, а может, так казалось, светились в темноте и косились на Тимофея. Под это равномерное тиканье он снова заснул. Его вырвал из сна оглушительный грохот. Что-то тяжёлое и металлическое с характерным дребезжанием покатилося по кухонному полу. Тимофей замер, прислушиваясь в темноте. Сердце отчаянно колотилось. Может, кошка? Откинув одеяло, он сел на край кровати, но идти проверять пока не спешил. — Кис-кис, — на всякий случай позвал он. В ответ что-то снова дзинькнуло, бумкнуло, а затем бахнуло. Определённо не кошка. Судя по всему, кто-то открыл дверцы шкафчика и выбрасывал из него посуду на пол. Тимофею снова стало страшно. Кого теперь занесло? Глаза уже привыкли к темноте, и Тимофей начал различать предметы. Лунный свет достаточно хорошо освещал комнату, где он спал. Осталось только найти что-то тяжёлое, что можно взять в руку и пойти на встречу с неизвестным. Тимофей очень надеялся, что это всё-таки кошка. Поняла, что в доме появился хозяин. Вот и ищет, чем поживиться. Но тут, как будто в опровержение его мыслей из кухни донеслось кряхтение, тихое ругательство и кто-то зашаркал ногами по полу в сторону Тимофея. На цыпочках новоявленный хозяин подкрался к дверному проёму. Его взгляд выискивал в полумраке хоть что-то, пригодное для обороны. Из-под кровати торчал одинокий валенок. «Отличный аргумент против грабителя», — с горькой иронией подумал он — «Неужели я не закрылся?». Затем попытался снять дужку с кровати, но ничего не вышло. Оставалось только уповать на доброжелательность «грабителей». Хотя после встречи со странной женщиной в бане рассчитывать на это было глупо. Шаги приближались. Из-за печки возник силуэт. Невысокий, лохматый, с бородой. От неожиданности Тимофей даже вскрикнул и тут же попытался закрыть рот рукой, хоть это было уже бесполезно. Незванный гость его услышал. Оставалось только, как в детстве, забраться в кровать и накрыться одеялом с головой. Что, собственно, Тимофей и сделал. Разве что под одеяло залезать не стал, а просто забился поглубже и с ужасом наблюдал, как отодвигается занавеска. Незнакомец, несколько не смущаясь, уставился на Тимофея. — Тимка, ты, что ли? — хрипло спросил он. — Пить, говорю, хочется. Доктор запрещает, а хочется! В проходе стоял старик. По сравнению с Егорычем он был значительно ниже. Так же бородат. Но явно не знал, что такое уход за бородой и волосами вообще. Больше смахивал на того дядю Лёшу. Но, опять же, был ниже ростом. — Пить хочется, — повторил он. С этими словами старичок развернулся и исчез за занавеской. В зале послышалась возня и снова звук падающих вещей. — Ещё, видимо, один старый знакомый. Из детства, — промолвил Тимофей сам себе и уже спокойно встал с кровати и вышел в зал следом. На полу валялись вещи из его рюкзака. Станный дед изучал содержимое и поочерёдно доставал предметы. Не найдя в очередном никакой ценности, он просто кидал его себе под ноги. Сейчас упал телефон. — Эй - ей! Аккуратнее! Так-то он почти сотку стоит! Дед как будто не обращал внимания и продолжал опустошать рюкзак. — Может, всё-таки скажете, кто вы такой и что вам тут нужно? — Тимофей сделал шаг вперёд и выхватил у деда свой рюкзак. Чувствовалась, что угрозы от старика нет. — Я ж сказал тебе, — постучал кулаком он себе по лбу, намекая на несообразительность Тимофея. — Пить сильно хочется. Вот проснулся, смотрю, ты вернулся. Думаю, шас чайку попьём, а воды — взял пустой чайник со стола и даже демонстративно присосался к носику, — а воды нет. Тимофей подошёл и забрал чайник. То, что воды нет, он и так знал. Как Егорыч сказал, так и делал. Более того. Ему до этого момента вода и не нужна была. В обед молоко, в бане квас. При воспоминании о бане Тимофей невольно поёжился.

Спина всё ещё давала о себе знать.— Ну-ка, — старик заметил эти движения Тимофея. — Повернись. Тот повернулся, и старик приподнял рубашу.— Хех, — усмехнулся он. — Никак с Обдерихой парился? Егорыч совсем бдительность потерял. Распоясались все без деда твоего. Ну так что насчёт чайку? Тимофей посмотрел на чайник, пожал плечами.— Чай так чай. Всё-таки знакомство и разговоры легче вести за столом. А то мне до сих пор тут никто, ничего и не рассказал. А вы, я так понимаю, очень близки с дедом?— Беги давай. Не томи, — старичок подталкивал Тимофея к выходу. — Быстрее обернёшься – быстрее всё расскажу. Тимофей подхватил чайник и побежал на улицу. Там стояла кадка с питьевой водой.— Ты там это полнее наливай! — напутствовал его старичок. Вернувшись с полным чайником, Тимофей пошёл было на кухню, чтобы растопить печь и поставить греться, как старичок его остановил.— Да пёс с ним, с чаем, — махнул он рукой. — Оно тебе надо? Печь разжигать, кипятить, ждать ну его. Тимофей стоял с чайником, не зная, что делать. Растапливать печь ночью ему совсем не хотелось. Он просто поддался на просьбу старика, который теперь сам отказывался. Пожав плечами, Тимофей пошёл на кухню.— Стой! Ты куда? — взгляд старика был прикован к чайнику.— А попить? Ты оставь, оставь, — помахал он рукой, предлагая Тимофею поставить чайник на стол. — Вот и чудненько. Вот и ладненько. Старичок с вожделением погладил бока чайника и облизнулся. С благоговением открыл крышку, что-то прошептал над водой, а затем... плюнул внутрь.— Эй, вы что делаете? — возмутился Тимофей. — Это же питьевая!— Молчи, городской, не твоё дело, — отмахнулся старик и, припав к носику, с жадностью сделал несколько глотков. Вытер рот рукавом и удовлетворённо крикнул— Может, кружку? Зачем плевать-то в воду? — Тимофей встал, чтобы принести посуду. — Как говорится: не плюй в колодец— Поучи меня ещё, — оборвал его старик и тут же снова присосался к носику чайника, сделав ещё несколько жадных глотков.— Хорошо! — хлопнул он себя по коленям. — Да ты садись. В ногах правды нет. Тимофей присел, но для себя отметил, что чайник завтра нужно будет прокипятить. На всякий случай.— Так как вы сказали вас зовут?— А я и не говорил, — старик ещё раз отхлебнул из носика. — Филомей зови меня. Я с твоим дедом огонь и воду прошёл.— Вот с этого места хотелось бы поподробнее, — Тимофей устроился поудобнее и приготовился слушать обещанный рассказ.— Егорыч, он ничего не смыслит, — продолжил Филомей. — Я ему сразу сказал, что зови Тимку. А он: да не приедет он. Да он городской совсем уже стал. Да не вспомнит ничего, — старик дополнял свою речь карикатурными жестами. — Никанор, дед твой, он же хранитель традиций, наследия поколений. Вот! — указал он пальцем на сервант, где стояли фотографии. А, не-е-е-е, — отпил он ещё из чайника. — Нету же. Но на фото есть! Неси! — снова показал он на сервант. Тимофей встал и подошёл к серванту, где стояли фотографии. Взял их и принёс к столу.— Керосинку неси. Не видать же ничер тьфу-тьфу-тьфу, — поплевался Филомей через плечо. — Ничегошеньки. Там. В сенях. — указал он пальцем теперь в другую сторону. Поведение старика уже озадачивало Тимофея. Как-то он распоясываться начал и командовать. Как будто не он был в гостях у Тимофея, а наоборот.— Вот. Смотри, — Филомей ткнул пальцем в фотографию, когда Тимофей зажёл керосинку.— Видишь? Тимофей смотрел, но не мог понять, на что именно указывает старик. Эти фотографии он уже днём успел рассмотреть и почувствовал что-то, но ничего необычного так и не нашёл.— Что надо видеть? — уточнил Тимофей.— Да вот же! — Филомей несколько раз постучал пальцем по фотографии. — А теперь всё, — сказал он обиженно и развёл руками.— Нету. С этими словами он открыл крышку и заглянул в чайник.— И тут нету, — добавил он. — Тимка. На тебя вся надежда, — с этими словами Филомей уронил голову на грудь и захрапел, обнимая чайник.— Да уж, — Тимофей встал. — Очень содержательный разговор получился. Обойдя стол, подошёл к деду Филомею. Надо было что-то делать. Старика вдруг ни с того ни с сего разморило и свалило в сон. Первым делом он решил забрать чайник, но даже во сне старик цеплялся в него. Тимофей чуть не получил, когда взялся за ручку.— Не трож-ж-ж, — прошипел дед и снова захрапел, не выпуская чайника из рук. От старика подозрительно и

самое главное непонятно почему несло алкоголем. Тимофей пожал плечами и не стал придавать этому значения. Может, тот уже пьяным пришёл, а вода подняла старые дрожжи и старика снова развело. Вот и поплыл.— Да и ладно. Тимофей махнул рукой. «Утро вечера мудренее». Он пошёл к кровати, а сзади доносилось довольное посапывание.

5. Знакомство с нечистью

— Готов? — дверь распахнулась. В проёме стоял Егорыч, — Ну как? Выспался? Отдохнул? — поинтересовался он у Тимофея. И что ты не замыкаешься? — У меня к вам вопросов, дед Матвей куда больше, чем у вас ко мне. Начиная с бани и заканчивая ночными гостями. — Мы уже договорились, что никаких дедов, дядь, — напомнил ему старик. — Обращайся просто — Егорыч. И я что-то не понял, — удивился он. — Какие гости и что с баней? — Вот и я не понял. Сначала эта девушка — Тимофей осёкся. — Или женщина. Я так и не разобрался, в бане. Чуть живьём кожу с меня не содрала. Затем некий Филомей ночью меня разбудил. Что тут вообще у вас происходит? — Филомей! — вместо ответа крикнул Егорыч. — Филомей! — Думаете, он тут? Утром я встал, а его уже и след простыл. Отсыпается где-то, наверное. И ещё, — Тимофей ушёл на кухню и вернулся с чайником. — Вот. Понюхайте. Егорыч взял чайник, открыл крышку и понюхал. По его реакции Тимофей понял, что запах удивил его не так сильно, как Тимофея. — Чайник с водой был? — только спросил он. — Чаю, видите ли, захотелось вашему Филомею ночью попить, — с сарказмом пояснил Тимофей. — А потом передумал. А утром, вот. — Филомей! — снова куда-то в дом крикнул Егорыч и, не дождавшись ответа, махнул рукой. — Пошли. Моя вина, что не сразу всё рассказал, но думал, в первый день ничего не случится. Да ты бы и не понял. — А сейчас прям понял? — Сейчас тебе проще будет понять, — похлопал Егорыч по плечу. — Тяжело принять будет, но понять проще. Пошли. Люди уже собрались и ждут. Тимофей с Егорычем вышли из дома, не забыв выполнить все процедуры. Никакой воды в доме, дверь на замок. — Хотя, — Егорыч почесал затылок. — Что-то мне подсказывает, что сейчас это бесполезное занятие. Филомей уже где-то в деревне. Клуб, где проходило собрание, выглядел точно так, как Тимофей себе его и представлял. Ничем не отличающийся от других домов ещё один дом. Разве что он был не жилой и не имел двора, а соответственно и забора. Вход посередине под небольшим треугольным козырьком и после маленького предбанника общая комната, в которой стояла печка. В зале располагалась сцена с президиумом, напротив которой были расставлены лавки. На сцене стоял стол, покрытый зелёным сукном, за столом три стула. Вопреки ожиданиям Тимофея никаких лозунгов из прошлого и красных стягов. И ни одного бюста вождя пролетариата. Даже какой-нибудь завалявшегося портрета не наблюдалось. Вот иконы в углу были. На лавках сидели жители деревни и общались друг с другом. Между ними в проходах бегали дети. Можно было бы предположить, что сейчас состоится партийное собрание, на котором начнут разбирать Тимофея. Зал гудел, как пчелиный улей. Но стоило Егорычу и Тимофею переступить порог, как гомон разом смолк. Воцарилась такая тишина, что было слышно, как за окном пролетела ворона. Даже дети замерли на полпути, словно влипшие в смолу жуки. Десяток, другой голов одновременно развернулись в их сторону, и все уставились на Тимофея. Егорыч, не говоря ни слова, подошёл к красному углу. Трижды перекрестился и что-то пробормотал про себя прося помощи у ликов на иконах. — Без помощи тут точно никак, — чуть ухмыльнулся Тимофей. Егорыч лишь исподлобья бросил на него взгляд, полный такого смысла, что всякая охота шутить тут же пропала. Указал Тимофею рукой на сцену и предложил подняться. Сам пошёл следом. Усевшись за стол, Тимофей внимательно осмотрел зал и людей, сидящих напротив них с Егорычем. Вон Клавдия с Фёдором. Мальчик помахал ему рукой, как старому другу. А может просто перед своими друзьями решил похвастаться, что уже на короткой ноге с приезжим. Тимофей пытался ещё хоть кого-нибудь признать, но все остальные были незнакомы ему. Не было видно ни того дяди Лёши, ни странной женщины из бани, ни ещё более странного Филомея. Но на самом деле Тимофей поймал себя на мысли, что неосознанно ищет глазами ту самую, рыжую девушку, которая беседовала вчера с Клавдией перед его домом. Её тоже нигде не было видно. Размышления прервал кашель Егорыча. Тот, таким образом, видимо, решил привлечь к себе внима-

ние и начать уже собрание.— Кхе-кхе! — ещё раз обозначил он своё присутствие и встал. — Дорогие мои односельчане. Все вы уже знаете, что Тимофей, — указал он на него. — внук Никанора и вот, собственно, он со вчерашнего дня у нас в деревне. Зал заёрзал. Слова Егорыча как будто дали всем разрешение дышать и шевелиться.— Это мы видим, — выкрикнул мужичок с третьего ряда. — А что за силой он обладает? Егорыч нашёл глазами вопрошающего, который сразу спрятался за спинами впереди сидящих. Затем посмотрел на Тимофея.— С силой мы разберёмся, — махнул рукой Егорыч, заранее всех успокаивая. — Не это сейчас важно. Надобно Тимофея в жизнь деревни ввести. Рассказать, объяснить, что к чему. А то как-то неудобно вышло с первого дня. Правда, дядь Лёш? — крикнул он. — Машину доставил в деревню? Зал обернулся. Теперь все уставились на мужичка, который, как оказалось, до сих пор прятался за всеми на последнем ряду.— Да я-то по што знал? — подскочил он и с вызовом снял шапку. — Я вам это донёс от Никанора, а когда вы решились, то мне невдомёк было весточку отправить. А ежели бы турист какой? А? Что скажете? Неправ был? А как Безликих отваживать, да с пути сбивать, так все: дядь Лёш, дядь Лёш, помощи! Нашли крайнего. Да и вообще! Лес мой, что хочу, то и ворочу! Затем нахлобучил шапку обратно, уселся, и скрестив руки на груди, демонстративно сделал вид, что обиделся.— Да никто тебя не винит, — успокоил его Егорыч. — Винить тебя потом будем. Ещё спросим с тебя куда зайцев дел.— Знамо куда! — слышался чей-то голос. — Как обычно, в карты проиграл! Дядя Лёша привстал, выискивая этого всезнайку в зале взглядом.— Зайцы как и лес, тоже мои! — напомнил он.— Да иди ты к Лешему! — откликнулись собравшиеся, и зал снова загудел и зашевелился, ожив. Кто-то засмеялся такой шутке.— Я вон давеча — поднялся ещё один житель и хотел уже что-то сказать, но Егорыч его осёк.— Так! Хватит превращать всё в балаган! Леший, выйди из зала! С тобой отдельно поговорим! — Леший? — Тимофей наклонился к Егорычу, когда тот сел на стул. Тот только отмахнулся.— И Зинаиду никто не винит, — Егорыч перевёл взгляд в другую часть зала. — Тоже ведь не со зла чуть парня не задрала. Весь зал развернулся теперь в другую сторону и уставился на женщину.— Ты, Егорыч, сам кругом виноват! — всплеснула руками Зинаида. — Предупреждать надо было! Да какой же разумный мужик в третий пар пойдёт? Это же наше, банное время! Сами напросились! Зал одобрительно загудел, кивая и полностью поддерживая Зинаиду. Затем снова переключились на свои бытовые проблемы. Кто-то встал и начал жаловаться, что Оборотень Семён нарушает ночной покой. Слишком громко воет. Огненный змей у кого-то чуть дом не спалил. Черти, которых в лес сослали, все грибы и ягоды собирают. Ничего не остаётся. Вода с душком, если Водяному подношения не носить. И так далее. Народ ругался и спорил. Тимофей наблюдал за всеми, но понять ничего не мог. Чем больше они говорили, тем больше он терял суть происходящего.— Кстати, — вдруг вспомнил Егорыч и встал, обращаясь к собранию. — Филомей развязал и сбёг. Каюсь. Виноват. Не углядел. Зал снова загудел и начал переглядываться. — Только этого нам ещё не хватало! Спасибо, Егорыч! Низкий поклон! Кто-то собрался уже идти домой, закрывать двери, которые никогда обычно не запирались. В этой суматохе Тимофей и заметил рыжую девушку. Она осторожно вошла в зал и присела с краю на самом последнем ряду. По непонятной причине сердце Тимофея вдруг стало сбоить и в животе странно закрутило. Нельзя сказать, что это было неприятное волнение. Наоборот. Ему удалось поймать взгляд девушки, но та сразу смущённо отвернулась. Тимофей больше ничего не слышал и не обращал внимания на происходящее вокруг. Весь зал и люди стали как в тумане, и только образ девушки был чётким и ясным. Но всё волшебство прервал один крик.— Хватит кудахтать! Все разом затихли и обернулись. В проёме двери, опираясь на косяк, стоял Филомей. Лицо у него было багровое, взгляд мутный, а в охалке заветный чайник. Тимофей заметил — это не тот чайник, что был у него дома. Нашёл где-то другой. Филомей отпил из носика и обвёл собравшихся мутным взором.— Долго тут петушиться будете? А я вам сразу сказал: зовите Тимку. Он всё исправит. Хорошо, что ещё неделю ждать не стали, как того Никанор наказал. Нет у нас недели.— Филомей, — Егорыч осторожно встал.

— Может, ты присядешь? И давай я чайник заберу.— Изыди! — Филомей погрозил кулаком и пошёл неуверенной походкой между лавок. Затем споткнулся и с грохотом, плашмя рухнул на пол. — Со мной всё нормально! — тут же подскочил и, подвинув одного из деревенских, уселся с краю. — Пока вы по углам тёплым жмётесь, Каменный вас по брёвнышку раскатает, да в пыль истолчёт! — Филомей поднял чайник и сделал ещё один глоток. — Растопчет! Плюнет и разотрёт! На этих словах он встал и топая ногой изобразил, как это произойдёт. Затем ещё плюнул. Видимо, с намерением наглядно продемонстрировать всю картину, но попал на макушку впереди сидящего. — Извиняюсь, — начал он тереть рукавом место, куда попал. — Мокрого места не останется, — закончил вытирать и сел на лавку. Все притихли и смотрели то на Филомея, то на Егорыча. Тимофей даже про рыжую девушку забыл. — Знакомься Тимофей, — Егорыч сел на стул. — Филомей. — Да мы вроде как знакомы уже, — неуверенно ответил Тимофей. — Не совсем. Пришло время знакомиться по-настоящему. Филомей. Домовой твоего деда. Никанора. Теперь, стало быть, твой Домовой. — Домовой? — переспросил Тимофей. — Типа как консьерж? — Свиной хрящик съешь, — ответил Филомей и икнул. — Сказано, Домовой! Хозяин дома, стало быть. Филомей поднёс носик чайника ко рту. Потряс. Открыл крышку, заглянул внутрь. — Ну, вы, пока тут продолжайте, — неуклюже попытался встать он. — А мне надобно отойти. — Василиса! Дверь! — подскочил Егорыч. «Василиса», — мысленно посмаковал Тимофей имя. Ему хотелось попробовать его на слух, но рыжая девушка тут же, к неопишущему удивлению Тимофея, обернувшись в кошку, рыжую, что он уже видел, опережая шатающегося Филомея, побежала к выходу. Послышался грохот, лязг металла и ругань. Затем Василиса уже в человеческом облике вернулась, и, пройдя через зал, принесла ключ. Передавая его Егорычу, она украдкой бросила взгляд на Тимофея. Тот заметил, как она улыбнулась и сразу убежала на последнюю лавку. — Василиска, — появился Филомей. — Кошка драная. Я тебе припомню это, — погрозил он ей кулаком и скорчил рожицу, высунув язык. — Ну, теперь и продолжить можно, — Егорыч убрал ключ в карман. — А теперь по порядку. То, что Филомей Домовой, было уже понятно, но принять это было ещё трудно. Дальше хуже. Тимофей убедился, что дядя Лёша это никакой ни дед, а Леший — хозяин леса. Местами шустрый, а ещё очень азартный. Часто проигрывает в карты другой нечисти свои угоды. Из-за этого случается дефицит зверья. Так же до сих пор открыт вопрос с машиной Тимофея. Зинаида. Банница. На пару с Банником Борей хозяйева бани деда Никанора. Миротлюбивые, но охотчие до чужаков. Дай волю, задерут и кожу снимут. Тем более тем, кто ходит в третий пар. Это их время париться, пояснил Егорыч. Леший, Домовой... Всю эту нечисть можно было бы списать на сектантский бред. Но вот это... Превращение наяву. Девушка в кошку. Тимофей видел это своими глазами. Но мозг отказывался верить. — Ну вот как-то так, — закончил собрание деревни Егорыч. — Это если кратко. Далее будем смотреть. — Так, а я-то тут при чём? — напомнил о себе Тимофей, всё ещё не соглашаясь принимать эту вновь открывшуюся реальность. — Что с дедом и какое наследство мне полагается? — Наследие, а не наследство, — подал голос Филомей. — Вечно Егорыч издалека заходит. Запрягает долго. — Зато, как я понимаю, поедем быстро? — вспомнил Тимофей поговорку. — Так быстро, что картуз сдует. Надобно разобраться ещё, что за сила тебе досталась. — Филомей! — прервал его Егорыч. — Попродержи коней. И это. Сам я разберусь. Домовой ещё немного поворчал для порядка, но успокоился. Только добавил, что если ему чайник наполнить, то он враз силу Тимофея определит. Ему как раз чуть-чуть не хватило, чтобы войти в состояние. Где-то с задних рядов высказали мнение, что состояние, в которое входит Филомей, им уже давно известно. И определяет оно только одно, что в деревне начинается бардак. Скотину потом по оврагам приходится искать в лесу. Филомей только хмыкнул в ответ и сказал, что они просто шуток не понимают. А со скотиной всё в порядке, оказывается, по итогу. — На этом предлагаю закончить собрание, — Егорыч встал. — По домам. С силой Тимофея разберёмся. Не переживайте. Народ стал подниматься со своих мест и потихоньку продвигаться к выходу. Под общий гомон и Филомей

попробовал затеряться в толпе.— Филомей. Я бы на твоём месте не спешил, — остановил его Егорыч. — Ты нам дома нужен.— Тыфу на вас, — обиженно плюнул в пол Домовой. — Только свободы глотнул.— Наглотался. Хватит. Полежай. С комфортом довезём, — с этими словами Егорыч вынес из соседней комнаты веник.— Может, я сам?— Так надёжнее, — возразил Егорыч. Тут же, к очередному удивлению Тимофея, Филомей куда-то исчез, буквально растворившись в воздухе.— Я, наверное, ещё в лесу сплю, — сдавленно прошептал Тимофей. — Или меня уже упекли в психушку и я под лекарствами в бреде. Третьего не дано. В доме Филомей материализовался снова, будто из воздуха. Егорыч тем временем подробно растолковал Тимофею правила сосуществования с домом и его вечным сожителем. Никакой воды в доме, потому что Филомей обращает её в алкоголь. Если дом не закрывать, то Филомей может сбежать и далее ясно, что будет происходить.— Дед твой ради шуток его научил однажды на свою голову. Сначала это казалось забавным, а потом Филомей втянулся, как любой алкоголик, — пояснил Егорыч.— А молоко? Молоко можно, получается, оставлять?— Из молока только кефир выходит, — ответил Тимофею сам Домовой и поморщился. — Гадость редкостная.— Ну, кому гадость, а кому в самый раз. Ты, кстати, — Егорыч обратился к Тимофею. — Если кефирчика захочешь, не стесняйся. Обращайся к Филомею. Домовой, в свою очередь, напомнил, что Никанор ему разрешал иногда. Раз уж вышла такая промашка, то взял на себя ответственность и в меру выдавал. Для бодрости духа. Иначе у Филомея случается плохое настроение и он тогда за себя не отвечает.— Ладно, с этим разберёмся. Сейчас не так важно.— Тебе то почём знать, что мне сейчас важно? — огрызнулся Домовой.— А как вы меня нашли? — не дал ему договорить Тимофей. — Я же не общался с дедом давно. Да и отец, насколько я помню. Откуда адрес узнали. И что за способ такой странный — телеграмма? Егорыч достал из кармана фотографию и протянул Тимофею. Старый снимок на полароид. Уже выцветший. На фото Тимофей и Лиза. Счастливые. Они как раз закончили ремонт в своей новой квартире и решили таким образом пригласить на новоселье родителей. До последнего не рассказывали, что обзавелись своим жильём. Всё ждали, пока закончится ремонт и можно будет устроить полноценное новоселье. У Тимофея как раз тогда с деньгами всё хорошо было, и со съёмной они перебрались в собственную. Взяли в ипотеку. Тимофей перевернул карточку. На оборотной стороне был написан их адрес.— Помню, — улыбнулся Тимофей. — Приглашение на новоселье. Отец тогда не приехал.— Считай, повезло нам. Если можно так сказать. Только карточка и осталась от твоих родителей у деда. — Не знал, что они в деревню ездили. Егорыч с Филомеем переглянулись.— Было дело, — как-то неуверенно произнёс Егорыч. — Так вот. Через Лешего и передал мне эту карточку. Ну а далее уже детали. Семён-то бывал ранее часто в городе. Тот, что телеграмму тебе вручил. Кое-что помнит. Вот и сориентировался на местности. Леший должен был доставить коротким путём, но, как обычно, это бывает, в самый нужный момент загулял где-то. Дед твой, Никанор, специально для тебя проход в деревню оставил, чтобы ты смог попасть к нам. Я его как раз на карте и отметил. Кроме тебя никто не смог бы увидеть его. Ну а телеграмма? Так других способов я не знаю. Главное, что сработало. Арина, мама Василисы, ещё поколдовала над ней, чтобы тебя зацепило и не отпустило. Через интерес и любопытство.— А где, собственно, сам дед. И что с родителями.— погоди. Давай всё по порядку, — Егорыч поёрзал на стуле, подготавливаясь к рассказу.— Шагалово испокон веков жило в ладу с нечистой силой, — начал он. — Несмотря на то, что не вся она такая добрая и дружелюбная. Но в этом-то и заслуга твоего деда и всех предыдущих поколений вашего рода. Сумели они найти с ней общий язык.— Пока вы со своими городами не полезли! — ворчливо вставил Филомей. — Леса вырубili, реки загадили... Нечисти жить негде стало!— Не знаю, чем вам город не угодил? — не согласился Тимофей. — Цивилизация и удобства. Многие же туда переехали. Квартиры получили с туалетом и ванной. Живи счастливо и радуйся.— Не в туалетах счастье, — не согласился Домовой. — Да и какая радость в бетонной коробке жить? — Филомей, можно я буду говорить? Так, да не так, — продолжил Егорыч. — Предки твои,

Тимофей, из поколения в поколение, с давних времён были хранителями наследия. Им безоговорочно подчинялась вся нечисть. Но спокойному сосуществованию приближался конец. Многие деревни исчезли с лица земли. Можно сказать, что их смывало в эти ваши унитазы. Всей лесной нечисти и деревенской, как уже сказал Филомей, становилось просто-напросто негде жить. Исчезали целые династии вековые. Кто-то приспособился и тоже перебрался в города. Кого-то выловили Безликие, но мы так и не знаем для каких целей. Только Шагалово держало оборону и оберегало своих. Принимало беглых. С годами становилось всё сложнее. Молодёжь не хотела засиживаться в деревне и тоже сбегала в город. Как и родители твои. У нас и сейчас в деревне осталось мало обычных жителей. Шагалово, считай, что-то вроде заповедного места для лесных и деревенских духов. — Самое интересное начинается, — заёрзал Филомей. — Может, по чарочке? А? Ну нет так нет, — наткнулся он на взгляд Егорыча. — Молчу. Продолжай. Самому интересно. — Как-то приехал в деревню стройотряд, — продолжил Егорыч. — Комсомольцы-добровольцы. То ли что-то строили, то ли, наоборот, ломали. Не так важно. В то время Шагалово, в основном, было обычной деревней. Не без духов, конечно. Но простой люд ещё жил. Важно то, что была в этом стройотряде девушка Оля. Родителей нет. Сирота. И Колька, отец твой, влюбился в неё с первого взгляда. Никанор был не против. Даже рад. Добрая и отзывчивая девчушка, что никогда родительской ласки не знала. Думал, что она останется в деревне и они с Николаем народят ему внуков или внучек. Но вышло как вышло. Оля не захотела оставаться в деревне, и Николай сначала просто на свидания в город ездил. Потом в армию ушёл. Никанор думал, что за два года всё переменится, но Оля дождалась Колю. Николай поступил в институт и переехал в город, в общежитие. А спустя пару лет ты родился. — Не считаю, что это было плохим решением, — Тимофей перебил. — Как я уже и говорил, ничего плохого в городе нет. Это у вас тут — Тимофей замялся. — не скажешь, что очень уж всё хорошо. Ни связи, ни электричества. Зная отца, если бы не мама, то наверняка жил бы сейчас здесь, не зная что потерял. — Это спорное предположение, — Егорыч продолжил. — Времена как раз менялись, и деревням вообще худо стало. Прогресс стал так широко шагать, что буквально растаптывал их. Никанор звал твоих родителей к себе, сулил и дом, и хозяйство. Но молодёжь тянуло в город, к этой суете и мнимым возможностям. «Время сейчас такое, отец, — говорил Николай. — Нельзя в глуши просиживать». Помощь принимали, а вот насовсем остаться — ни в какую. Николай тогда сказал: время сейчас не то, нельзя сидеть в деревне и прятаться от прогресса. Никанор просил было тебя на воспитание ему отдать. Думал хоть тебе можно будет наследие оставить, но отец твой против сразу встал. Ты, наверное, не помнишь уже, как они поругались. — Отчего же. Я почему-то этот момент-то в основном и запомнил. А так — провал в памяти. У нас ведь тоже с отцом недопонимание вышло. Наверное, это наследственное. — Вот, — подхватил Егорыч. — А поначалу ты часто в гостях у деда бывал. Даже на лето тебя родители оставляли. Василиса потом долго ещё ждала тебя. Вы же лучшие друзья были. Не разлей вода, несмотря на все её шалости. Ох, и оторва была в детстве! Маленькая, а уже настоящая ведьмочка. — А помнишь, — оживился Филомей. — Как она тебе вместо пельменей целую тарелку жаб наколдовала? Ну, жабы-то, конечно, не настоящие были. Просто привиделись тебе, но как ты орал. Или в тот раз когда — Филомей. — Ладно. Всё, — согласился Домовой. — Потом детские воспоминания будем ворошить. Под чарочку живее выйдет. Егорыч покосился на Филомею и только с досадой вздохнул. — Василиса. Это та, что с рыжими волосами? — сообразил Тимофей. — Ведьма? — А что ты удивляешься? — Да в принципе это и не укладывается в голове. Обернуться в кошку — Так она с самого начала за тобой всё ходила, но боялась обозначиться. Думала, что не признаёшь или ещё чего хуже. Как узнала, что Леший тебя в лесу оставил, так чуть сама не побежала выручать. Еле остановил её. — Девка хорошая, — добавил Филомей. — Не вздумай обижать её, а то жабами в этот раз не отделаешься. Аха-ха-ха! Ой, не могу! — Филомей! — Да что вы такие скучные, — обиделся Домовой. — С вами не выпить, не поговорить. — Ладно. Сто грамм, — смиловился Егорыч. — Нам ещё долго

разговаривать, а ты не отстанешь ведь. Сходил он во двор и принёс стопку с водой. — На. Колдуй, самогонщик. Филомей что-то прошептал над стопкой, плюнул в неё и готов был уже опрокинуть, как его остановил Тимофей. — А можно попробовать? Просто любопытно, — сразу оправдал он свой интерес. — Как оно на вкус. Видно было, что Филомей колеблется. — Да не жмотись ты, — урезонил его Егорыч. — Не убудет. — Я, честное слово, просто пригублю, — подтвердил Тимофей. — Смотри. Должен будешь, — Домовой с неохотой протянул стопку. Тимофей осторожно взял и понюхал. Сделал маленький глоток. — А не дурно, — заключил он. — А то, — Домовой забрал стопку и махнул залпом. — На родниковой воде и чистом энтузиазме. — Продолжай, Егорыч. — Так вот. На чём я остановился? — Как отец с дедом поругался, — напомнил Тимофей. — Да. Поругались они тогда сильно. С тех пор больше и не виделись. А дед деревню закрыл, чтобы никто не смог найти её. Но каменный подступал всё ближе и ближе. Никанор уже несколько раз Шагалово перемещал. Всё дальше и дальше от города. Раньше-то мы вообще близко было, но теперь — Егорыч замолчал. — Закрыл? Каменный? Перемещал? О чём вы? — Тимофей подскочил. — Вам самим не кажется всё это каким-то средневековым бредом? — Каменный — это город, — пояснил Филомей. — Город наступает на деревню, и если не переносить её дальше от него, то он поглотит её со всеми обитателями. Нас ждёт участь других деревень. В один момент стало вдруг всё ещё хуже. Появились у нас некие Безликие. Рыскали всё по окрестностям и лесам. Никанору одному уже не по силам было справляться. — И где он? Дед, — пояснил Тимофей. — В Изнанке, — Егорыч тяжело вздохнул. — Ушёл спасать деревню. Вынудили его. Но самое главное это ключ от деревни. Никанор не мог позволить, чтобы Безликие завладели им. — Изнанка, ключ, Безликие. Вы меня совсем запутать хотите? Я ничего не понимаю! — Тимофей схватился за голову. — Тим, — Егорыч положил руку ему на плечо. — Никанор не отдал ключ. Он оставил его тебе. Это твоё наследие. — Но ключа нет, — мрачно вставил Филомей. — Обычно он в шкатулке той лежал, либо на верёвке, на шее у Никанора висел. — Да, — Егорыч смотрел прямо на Тимофея. — Твой дед его спрятал. Чтобы ты его отыскал, если не вернётся. Последняя надежда теперь на нас... и на тебя. Вот мы тебя и вызвали. Кроме тебя никто не сможет нам помочь. В тебе должна быть какая-то сила могучая. Никанор говорил, что через поколение она проявляется в полной мере. Как у деда твоего. Но мы должны понять, в чём она заключается. Только времени у нас мало. Завтра пойдём к камню-вещуну. Может покажет что. Егорыч ушёл, оставив Тимофея с Филомеем одних. — Может это — Домовой постоял у окна и, дождавшись, когда Егорыч точно уйдёт, задернув занавески, вернулся за стол. — За приезд? Затем он взял полотенце и набросил на ходики. Тимофею показалось, что они недовольно затикали, а потом затихли. — Нечего подглядывать, — буркнул он им. — Будешь знать, как друзьям двери перед носом закрывать. — Это — до Тимофея вдруг дошло. — Кто-то может подсматривать через них. Как камера видеонаблюдения? — Угадай кто? — Домовой взял стопку и покрутил её в руках. — Без штанов, надеюсь, не ходил по дому? — Кто? — Василиска твоя ненаглядная. Прямо чую, как затылок буравит взглядом. Тимофею стало как-то неловко. Он попытался вспомнить, что делал в доме. Вроде ничего такого, за что могло быть потом стыдно перед девушкой. — Ты забыл уже, а сам жениться на ней собирался. А она вот помнит. Сколько лет прошло, а всё надеялась, что приедешь. Даром что детьми были. — С чего ты взял? Одно дело в детстве, а сейчас, действительно, сколько лет уже прошло. Да и наверняка у такой красавицы жених есть. — Есть один. Только не отвечает она ему взаимностью. Ну так что? — Филомей поднял стопку. — Сказано же, нельзя, — напомнил ему Тимофей. — С меня потом спросят. Это с тебя, как с гуся вода. Кстати. Может, кефирчику сделаешь? Раз уж такое дело. Чувствую несварение от всех этих новостей. Надеюсь, кефир успокоит желудок. Мне как-то до сих пор не верится во все эти сказки. Больно уж странно всё звучит. Если бы сам не видел, как Василиска в кошку превратилась. И как ты в веник залез. С дедом ещё эта история И что с родителями? — Не было их здесь, — как-то резко ответил Филомей. — Давно уже. — Ты мне не врешь? Филомей тяжело вздохнул и отрицательно мотнул головой. Затем придвинул к себе

ближе кувшин с остатками молока и начала шептать на него. Затем плюнул.— Обязательно это было делать? Тимофей поморщился и взял из рук Домового кувшин. Немного подумал и отставил в сторону. Пить из посуды, куда только что плюнул какой-то старик...— На водку так не морщился, — напомнил ему Филомей. — Пей.— Да что-то передумал. Ты мне лучше про деда расскажи, — Тимофей решил перевести тему. — Столько лет вместе. Может, он говорил что перед исчезновением? Филомей задумчиво покрутил стопку на столе и наконец-то отставил её в сторону. Встал и подошёл к серванту, из которого достал те самые фотографии.— Вот, – вернулся он за стол и передал их Тимофею. — Смотри. Видишь? У деда твоего на шее ключ на верёвке висит. И у его деда. И у деда его деда. Семейное наследие. Ключ от деревни и пространства. Его то тебе и надобно будет отыскать. Прав Егорыч. Спрятал Никанор его где-то. Вопрос только где? Леший видел твоего деда последним и тот ему кое-что сказал. Но просил только тебе лично передать.— Ты-то откуда знаешь, если дед велел Лешему только мне лично передать?— Я, доверенное лицо Никанора, — Домовой поднял указательный палец. — Мне всё можно. Но вот что именно передать, Леший мне не рассказал. Только про то, как Никанор исчез поведал и про наказ этот. А я ведь с самого начала твердил: зовите Тимку. Он разберётся. Нет же. Всё чуда ждали.— Всё это звучит так, будто я в чужом сне, — Тимофей сжал виски. — Дед, Безликие... ключ... Мне нужно время, чтобы всё это переварить. Понятия не имею, как я могу помочь вам. Я, конечно, беспокоюсь о деде, но — развёл он руками. — Очень дико всё это выглядит. Не к такому меня жизнь готовила и не на это я учился. Тут вам какой-нибудь демонолог нужен, что разбирается во всём этом. Я-то как? И зачем мне ключ? — Видать, не у тех ты учился. — Филомей поднял стопку. — Всё ещё нет? Тимофей только тяжело вздохнул в ответ. Поступившая информация не укладывалась в голове. Тимофей так и не смог заснуть. Почти полночи просидел за столом и пытался всё это уложить в голове. За какие-то сутки его представление о мире перевернулось. Домовой же так и уснул, не вставая, не выпуская из рук стопки.— Филомей, — Тимофей тронул его за плечо. — Филомей!— Кто? Что? — Домовой подскочил.— Идём к Лешему, — решительно заявил Тимофей. — Фраза, конечно, дико и двусмысленно звучит, но других вариантов я не вижу. Не даёт мне покоя эта информация, которую он должен только мне передать. Ну и он был последним, кто видел деда. Кстати, он ещё и машину должен вернуть.

6. К лешему

К Лешему надо было идти в лес. В деревне он только появлялся время от времени. Миновав дворы, они дошли до конца дороги и свернули на опушку. — Ты хоть знаешь, где его искать? — А что его искать? Он сам найдётся, коли захочет. А нет, так и через хомут лошадиный гляди, не увидишь. Тимофей непонимающе посмотрел на Домового. — Суеверия, — отмахнулся тот, а затем сунул два пальца в рот и громко свистнул. — Жутко бесится, когда в лесу шумят, — пояснил Домовой. — Особенно по ночам. Сначала было тихо, но потом Филомей ещё раз свистнул и крикнул для убедительности. — Леший! Где тебя носит? Выйди, посмотреть уж охота на тебя! Послышался хруст веток и шелест листьев. — Филомей, ты, что ли? — из зарослей показалась фигура. — Дурной совсем? Или водка в голову вдарила? Зачем шумишь? Знаешь же, что не люблю. Леший подошёл ближе, и теперь его было хорошо видно. Тут он обратил внимание на то, что Филомей не один. — Тимофей? — удивился он. — Ты-то с ним как тут? Или вы на пару? — Леший сделал характерный жест тыльной стороной ладони по горлу. — Мы по делу. Рассказывай, что Никанор передал ему. Леший смерил взглядом Тимофея, а потом повернулся к Филомею. — Только тебя не звали слушать. Сказано никому больше. Ступай домой, а Тимка пусть остаётся, раз до утра не терпится. Тимофей посмотрел на Домового. Не очень ему хотелось оставаться с Лешим наедине в лесу после того случая. Мало ли что опять тому на ум придёт. Решит снова как-то неудачно пошутить. Но любопытство перевешивало все остальные чувства. Да и с машиной надо было разобраться. — Ладно, Филомей. Ты иди. Я сам дальше. Надеюсь, в этот раз без приключений всё обойдётся, — посмотрел он на Лешего. — Ведь мне не о чём переживать? — Моё дело предложить. Не хочешь сейчас слушать, жди до утра. А у меня в лесу есть неотложные дела. — А машина? — напомнил Тимофей. — По мне так — это самое неотложное дело. Вернуть её законному хозяину. Леший тяжело вздохнул и махнул рукой, призывая идти за ним. — Филомей, — обернулся Тимофей. — Обещай мне, что домой сразу же пойдёшь. — Пф! Да ты что?! — Домовой надулся как обиженный ребёнок. — Думаешь, что я тут же к колодцу побегу? Вот, значит, какого ты обо мне мнения. — Я вот только такого о тебе мнения, — вместо Тимофея ответил Леший. — Зуб даю! — Филомей щёлкнул ногтем по зубам. — Сразу домой, если обещаешь потом всё рассказать. — Всё — не всё, но что можно будет, расскажу, — пообещал Тимофей. Домовой развернулся и исчез в зарослях. Леший взял за руку Тимофея. — Через Изнанку пойдём. Так быстрее. — Слышал я уже про твоё «быстрее». — Держись меня, — проигнорировал замечание Леший. — Постараюсь самой короткой дорогой. Был уже в Изнанке? — Нет. А что это? — Тогда поначалу может мутить, — предупредил Леший. — Это как по потолку ходить. Не успел Тимофей что-то сказать в ответ, как Леший приподнял кусты, приглашая за собой. Стоило им сделать первый шаг, мир вдруг перед глазами поплыл. Всё перевернулось и к горлу подкатила тошнота. Воздух сгустился до состояния смолы, в ушах зазвенело, и Тимофея с силой поволокло куда-то вглубь, будто в воронку. Через мгновение они оказались в таком же лесу, но что-то в нём отличалось от того леса, где они только что были. Мир звенел тишиной, но не той, что обволакивает, а той, что давит. И сквозь эту гнетущую пустоту прорывались звуки. Жуткие стоны, хриплый смех, шелест, от которых кровь стыла в жилах. Тимофей почувствовал, как будто он нырнул во что-то холодное и липкое. И это липкое растекается внутри, обостряя все его страхи. Откуда-то возникли плохие мысли и видения. Мимо них пронёсся лось, не разбирая дороги и круша всё на своём пути. Даже не лось, а какое-то подобие, состоящее из плотной дымки. Леший едва успел выдернуть с его пути Тимофея. — От меня ни на шаг, — напомнил Леший. — И держись. Не удивляйся если что-то почувствуешь. Тут со своей тенью можно повстречаться. Она будет разное говорить тебе. Не слушай, не время сейчас разговоры вести. В Изнанке оно так. Другие правила. Пробираясь через Изнанку за Лешим, Тимофей видел, как что-то дымчатое и размы-

тое то появлялось возле него, заглядывая в глаза, то шелестело, подобно пожухлым осенним листьям и тянуло к Тимофею свои руки. Ещё несколько минут подобного ужаса и они наконец-то вынырнули в настоящий лес.— Что это было? — у Тимофея разве что на ногах волосы дыбом не встали.— Изнанка нашего леса, — пояснил Леший. — У деревни своя, у города своя. Но поверь мне. В городской Изнанке твари встречаются похлеще наших лесных. Черти по сравнению с ними дети. Ты видимо повстречался со своей тёмной стороной. Тенью. Хотела, чтобы ты вошёл в неё. Хотя, чаще наоборот бывает. Ты сам её выпускаешь с Изнанки, и она входит в тебя. В эти моменты ты что-то плохое и творишь, говоришь.— А можно её как-то ну не пускать, что ли, в себя?— Можно, — ответил Леший. — Не затевай плохого. Мысли дурные и нечистые гони. Всё в твоих руках. Она только и ждёт, когда ты дашь ей повод явиться в твой мир и будет делать всё, чтоб удержаться в нём как можно дольше. Но ещё больше любят они пустоту. Пустота в душе бывает страшнее любых пороков. Тимофей отряхнулся, как после ночного кошмара, сбрасывая остатки наваждения с себя. Перед ними раскинулась в лунном свете поляна. Воздух был буквально пропитан чем-то знакомым. Едва уловимым. Помимо луны свет исходил от грибов-светильников. В центре поляны, вокруг большого пня, сидела компания.— Знакомьтесь, — представил им Леший Тимофея. — Внук Никанора. Все с любопытством уставились на него. Болотник что-то пробуюлькал в ответ, возможно приветствие. Он сидел справа. Сутулый, в тине, с длинными пальцами. Именно он, как оказалось в последствии, теперь является обладателем жигулей. Далее, напротив, его подруга, Кикимора болотная Болячка. Мало-приятная на вид особа. Слева Вурдалак. Тоже из болота. Только с другой историей. В далёких 90-х его дружки бандиты привезли в лес, да притопили в болоте. Не в этом, а в другом. Болотник его как-то выиграл в карты у хозяина того болота. Уж больно ему цепь пудовая на шее приглянулась, да перстни массивные. Вот теперь Вурдалак прислуживает ему да в картах компанию составляет.— Чую, что у Тимки рука лёгкая. Враз отыграюсь, — Леший потёр ладони и присел за пень. — Сдавай! Болотник что-то пробуюлькал в ответ.— Против машины, ставлю шёпот лесной. Три дня. Сдавай! Болотник взял в руки колоду и перетасовал. Колода была необычной, как заметил Тимофей. Похоже, что из бересты. Вместо привычных символов, грибы, когти, камни и листья. На картинках разная нечисть. Длинные пальцы раскидали карты на пне. Леший попутно объяснял Тимофею правила. По сути, игра ничем не отличалась от привычной и известной в мире Тимофея «Очко» или «Двадцать одно».— Ещё! Леший нервничал, что нельзя было сказать про Болотника. Он спокойно выудил из колоды своими склизкими пальцами ещё одну карту и бросил её Лешему. Тот осторожно взял, пробормотал что-то на луну и добавил к своим картам. Только потом поднял их к глазам и посмотрел.— Себе! — довольный результатом расслабился и положил карты на пень. Болотник посмотрел свои, затем взял себе ещё одну и, перевернув их лицом вверх, что-то пробуюлькал.— Да чтоб тебя! — Что он сказал? — поинтересовался Тимофей у Лешего.— Поляна у него, — обиженно перевёл довольное бульканье Болотника. — Ладно. В этот же момент вокруг стало тихо, как в склепе. Только Болотник что-то взял и, приложив к уху, сидел и довольный слушал. Леший объяснил Тимофею, что теперь лес три дня будет бесшумным. Никаких звуков. Ни пенья птиц, не шелеста листьев, ни хруста веток под ногами. Абсолютная тишина. Леший пропустил следующий расклад, а нечисть продолжила игру. Ещё через несколько раздач Тимофей почувствовал азарт, который давно уже не проявлялся в нём. Только плохо тогда это всё закончилось. Влез в такие долги, что родителям пришлось за ним расхлёбывать. Ещё одна монетка в копилку раздора с отцом.— Может, я сыграю?— Никак прихватил всё-таки своей тени с Изнанки с собой, — Леший внимательно посмотрел на Тимофея. — Тут не на фантики играют, если что.— Да я уж понял. Кикимора что-то проскрипела в ответ и захихикала противно. Леший перевёл, что она интересуется, на что играть будешь?— А что принимаете? Нечисть за столом зашептала, забулькала. Что-то обсуждали между собой и спорили. Наконец, судя по всему, пришли к решению, и Болотник пробуюлькал его.— Что хотят? — повернулся Тимофей к Лешему.—

Тепло твоего сердца на сутки, — перевёл Леший. — Погреются малость. — А что со мной-то будет? — Тимофей почувствовал, как по спине пробежал холодок. — Остынешь. Совсем. Не в том смысле, а станешь равнодушным ко всему и всем, как камень. На сутки, не больше... Но и этого порой хватает, чтобы потерять всё. Хотя, некоторые у вас в городе всю жизнь так живут и ничего. Неплохо себя чувствуют. — Эм-м-м-м — Тимофей задумался. — Ну, после того, что я успел узнать тут, меня это уже не удивляет. — Не к добру это, — засомневался Леший. — Егорыч с меня кору сдерёт. — Ну, мне как-то везло обычно, — улыбнулся Тимофей и присел за пень. — Если что, сутки-то протяну без тепла. Но я не планирую проигрывать. — Все так говорят, — мрачно заметил Леший. За столом это ощущение, уверенности в себе, только усилилось. Так вот что было в воздухе, когда он почувствовал что-то знакомое, оказавшись на поляне. В юности он грешил азартными играми и порою у него неплохо получалось. Но как правило, так только кажется. Только здесь пахло ещё болотной тиной, и тленом. И все же старый опыт давал себя знать: в игре он разбирался. Тем не менее первую раздачу, с которой он хотел отыграть машину, проиграл и тут же почувствовал, как из груди ушло что-то живое. На смену пришла плоское, серое безразличие ко всему, что ранее вызывало теплые чувства. Остался только холодный расчет. Нечисть же сбилась в кучку и скрипела от удовольствия. — Хватит. Мне Егорыч голову оторвёт. — Сейчас. погоди, — Тимофей уже вошёл во вкус. Он закрыл глаза и восстановил в памяти всю игру, что он успел увидеть с момента появления на поляне. Всё как в старые времена. Главное — наблюдать за партнёрами по столу и считывать их. Вот Вурдалак, когда у него хорошая комбинация он неосознанно постукивает перстнем по пню. Болотник, блефуя, перестаёт булькать. Болячка вообще как открытая книга. Она на пальцах начинает складывать, сколько у неё выпало. — Иду ва-банк! Ставлю мой дар на кон против всего, что проиграл до этого я и Леший. Плюс каждый из вас ставит что-то от себя. Леший тут же схватился за голову, пока она у него ещё была на месте, а нечисть снова собралась в кучку и о чём-то шептались. Затем Болотник пробулкал. — Они согласны, — перевёл Леший. — Чего не могу сказать о себе. Ты ещё более азартен, чем я. Завтра нам с тобой конец. — Ещё не факт, что у меня вообще есть какой-то дар, — наклонился он ближе к Лешему. — А значит и проигрывать, возможно, нечего. — Зато факт, что если всё пойдёт не так, мне все шишки достанутся, — Леший уже понял, что зря он взял с собой Тимофея. — Самое ужасное в том, что я не имею права тебе запретить. — Не очкуй, — подмигнул ему Тимофей. Раздача началась. Все получили по две карты. У Болотника, который был на раздаче, открытым лежал, если считать по обычным картам, туз. Одиннадцать. Тимофей посмотрел свои. В пересчёте на привычные карты у него было хороший набор. Леший даже чуть не присвистнул, но Тимофей посмотрел на него так, что тот всё понял в отличие от остальных. Все уткнулись в свои карты, и никто не обращал внимания на Тимофея, а тот, наоборот, пристально следил за всеми. Болячка взяла ещё одну карту. Тимофей проследил. Согнув и разогнув пальцы, Кикимора на этом остановилась. У неё 18. Вурдалак тоже взял. Судя по его реакции — перебор. Он просто положил карты на пень. Так он всегда делает. Оставался Болотник. Тот взял вторую карту и ничего. Он не стал добирать, но и не издавал никаких особых звуков. Продолжал периодически булькать и сделал такое невозмутимое лицо, что ему позавидовал бы любой шулер. Даже лягушка, сидящая у него на голове молчала. Тимофей стал размышлять. Как минимум у него семнадцать. С этой цифры дилер прекращает набор. Но может быть и больше. Сколько? У Тимофея хорошая заявка на победу, но что у Болотника? Тимофей снова закрыл глаза. Мысли о вероятностях и комбинациях смешались в клубящийся туман. Голос внутри нашептывал — Ещё, — и, с уверенностью в победе, посмотрел на Болотника. Тимофей почувствовал, как за спиной у него беззвучно заскрипел и заскулил Леший. Болотник сдал одну карту. Всё внимание было приковано сейчас ко пню. По крайней мере, у Лешего и Тимофея максимально. Болячка с Вурдалаком тоже немного напряглись. Болотник ещё раз посмотрел свои карты и снова не выдал никакой реакции. Тимофей протянул руку и накрыл ею берестяной прямоугольник, от

которого сейчас зависела его судьба. А может, и судьба всей деревни. Никто ведь ещё не знал дар Тимофея, как и он сам. Но каким бы он ни был, если он проиграет придётся с ним попрощаться. Только сейчас он пришёл в ужас от происходящего. Он сам не понимал, как втянулся в эту игру. Словно Бес попутал. Но отступать было поздно. Тимофей мысленно попросил деда о помощи и перевернул карту. Леший первым издал пронзительный и оглушительный вопль. Со стороны его можно было трактовать по-разному. Как проигрыш, так и как выигрыш. Вдобавок ко всему он ещё чуть без сознания на землю не грохнулся, но удержался за плечо Тимофея и занял выжидающую позицию. На пне лежала двойка. Болотник вскрыл свои карты. У него было двадцать. Тимофей по очереди, по одной, медленно открыл свои карты и выложил их рядом с двойкой. Вся нечисть склонилась над пнём. Десятка, девятка и двойка, которую он только что добрал. У Тимофея была полная поляна в наборе. Ещё никогда Тимофею не казались ночные звуки леса такими прекрасными. Они возвращались домой через Явь. Тимофей настоял. Пусть дольше, но нужно было проветрить голову. Определённо не без влияния своей тени он ввязался в эту авантюру. Пробудила забытый порок. В данной ситуации он не стал бы так рисковать, будучи в здравом уме. Да и поговорить надо ещё было с Лешим. Машину Болотник обещал к завтрашнему утру доставить в деревню. Всё остальное вернулось само собой. Тепло сердца и шёпот леса Лешего. Наперегонки их обгоняли возвращающиеся в родной лес зайцы. Помимо всего, Тимофей выиграл у Болячки «болотный огонёк-проводник», который может вывести из любого места, если заблудился. У Вурдалака «обломок чужой смерти». Безделушка, которая сделает его на некоторое время «неинтересным» для недругов. Болотник отдал «Долг лесной стороны». В любое время там, где есть хоть небольшая лесопосадка, Тимофей может призвать на помощь лесную нечисть. — Так что дед передал? — напомнил Тимофей. Леший поведал всё, что видел и что запомнил. — Дед твой, Никанор, ушёл в Изнанку. Не спрашивай меня зачем. Дела деревенские. Скажу только, что выбора у него не было. Большая опасность грозит нам всем. Но он не мог идти туда с ключом и часами. — Опять этот ключ, да ещё и часы какие-то появились. — Всё по порядку, — успокоил его Леший. — Ключ важен для Шагало. Он передаётся из поколения в поколение по линии вашего рода. Сделал его твой далёкий предок. Не скажу даже насколько он далёк. Пра-пра-пра, а может ещё несколько прадедов назад. Он был кузнецом и носителем могучего дара. Мог сжимать пространство до размера горошины. Прятал Шагало, когда деревне грозила опасность. Оберегал от набегов и лесных пожаров. Много от чего. Но он понимал, что дар его не передастся по наследству. Вот он и выковал этот ключ и вдохнул кузнечными мехами в него свою силу. Но не каждый из вашего рода может владеть ключом. Сам по себе ключ бесполезен. Надо знать ещё где находится замок. — Всё это очень интересно и познавательно. Но при чём тут я? — Тимофей всё никак не мог понять своей роли во всём этом. — Никанор хотел, чтобы ты забрал ключ из места, куда он его спрятал, перед уходом в Изнанку. — И ещё какие-то часы, — напомнил Тимофей. — Да. Часы. Часы — это уже проявление дара Никанора, — продолжил Леший. — Это всем известно. Но часы Про них даже в деревне ещё никто не знает. Никанор обладает даром управления временем. Опять же, не спрашивай меня как. Не знаю, помнишь ли ты, но Никанор всегда увлекался часовыми механизмами. И если не вдаваться в подробности, то он, как и тот кузнец, после многих попыток собрал эти часы для того, чтобы свой дар тоже можно было передать по наследству, как и ключ. А перед уходом в Изнанку Никанор и всю свою силу заключил в эти часы. — Чтобы мне передать? — уточнил Тимофей. — Других наследников нет, — Леший развёл руками. — Тебе принимать наследие. — Что-то вы деда со счетов уже списали. Вот вернётся из вашей Изнанки и заберёт всё себе обратно. А я пока вообще не понимаю, что с этим делать. — Никанор опасался, что может и не вернуться. Вот и попросил вызвать тебя. На всякий случай, — пояснил Леший. — И где же ключ и часы? — К тому месту я тебя отведу, — ответил Леший. — Никанор сказал: Тимка сам поймёт, как их найти и достать. В какой-то щели между мирами. И ещё это, — Леший вспоминал. — А. Говорил: Найди себя и кровь сама подскажет. Вроде как

«кровь крепче воды» сказал. Я деду твоему полог Изнанки в город открыл, — пояснил Леший. — Теперь вот постоянно дежурю. Стараюсь почаще возвращаться к тому месту и проверять. Вдруг Никанор вернулся. Но до сих не было. Ладно. Пошли домой. Завтра предстоит проверить твой дар и явить твою силу. После уж за ключом и часами идти. — Может не будем про это рассказывать Егорычу, — Тимофей замялся. — Ну, я имею в виду про игру в карты. Хотя я и отыграл всё, но тем не менее. — Ругаться, конечно, будет. До второго петуха проклинать станет. Но кто судит победителей? А у Егорыча дар, — Леший многозначительно ткнул пальцем в висок, — любая ложь для него как на ладони.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.